

ВИТАЛИЙ КОМАРОВ

Ужин у
госпожи
Шварцхаар

В столице империи Канзор кипит кровавый магический бунт. Армия и служители Орднуга давят мятеж, невзирая на потери, поднимая на пики и расстреливая всех, кто смеет противиться слову закона и Чистоты. А тем временем, глава тайной полиции и внутренней разведки герцог Иохим фон Ключе допрашивает последнего из оставшихся в живых свидетеля событий, приведших к началу этого бунта. Что он поведаст его светлости об ужине у госпожи Шварцхаар?

Город горел. От края до края крепостных стен полыхали пожары, гремели выстрелы шпрайгеров[1], бухали кулеврены[2]. По мощённым улицам Солстара[3] грохотали кованые сапоги солдат, стучали деревянные туфли бунтовщиков, рвущихся навстречу друг другу. То на рыночной площади, то в кварталах ремесленников раздавались удары грома, сверкали вспышки молний, а где-то за академическим городком закручивал свои губительные спирали настоящий огненный смерч. В ход шла вся доступная мятежникам магия. Квартал за кварталом город захлёстывал беспорядочный бой, да такой, что уже и не поймёшь, кто против кого сражается.

Чёрный ядовитый дым мягко стелился по улицам. Он выедал глаза, обжигая рот и лёгкие, заставлял бросать оружие и бежать без оглядки. Говорили, что кто-то из бунтовщиков догадался поджечь ёмкости с едкими алхимическими смолами. Наверное, так они хотели остановить наступающие войска, задушить их в узких улочках столицы Канзора[4] и не дать прорваться к мятежникам. Но серия ужасных взрывов в щепки разнесла часть рыночной площади и студенческого городка, уничтожив как обороняющихся, так и наступающих. Хлынувший следом дым травил всех без разбора.

Лишь квартал магов не был тронут общим безумием. Вокруг него выстроилась плотная цепь бойцов в серых латах слугителей Орднуга[5], не впускавших и не выпускавших никого. Окружившие квартал скверноносцев воины оцетинились стволами и копьями. В достатке у них было и зажигательных смесей и гранат. А несколько десятков тел горожан, валявшихся на подступах к щитам слугителей Чистоты[6], красноречивее любых герольдов говорили о том, что приближаться не стоит.

К вечеру городские войска и спешно сформированные отряды фольксштурма[7] загнали мятежников в районы бондарей и ремесленников по коже. Спешно возведённые баррикады методично расстреливались из небольших кулеврин и закидывались огнесмесями пополам с синей солью[8]. Едкий голубой дым расползлся по улицам Кожевенного Цеха и бочкоделов, лишая защищавшихся их последнего козыря — магии.

Наступающие, прикрывшись щитами, шаг за шагом приближались к полыхающим баррикадам из телег, шкафов, снятых с петель дверей и простого мусора, — всему тому, что отделяло их от затаившихся бунтовщиков. На редкие стрелы и болты, вылетающие из-за огненной стены, они отвечали трескучим говором шпрайгеров, выплёвывающих из своих дул град пуль. Где-то солдаты и горожане из фольксштурма уже прорвались сквозь пламенеющие преграды и при поддержке нультов[9] принялись вычищать улицы и дома от мятежников. То там, то здесь возникали ожесточённые сражения, в которых люди с обеих сторон дрались отчаянно, не жалея себя.

Пленных не брали. Только тех, на кого указывали люди в чёрных плащах гехаймштадтполиций[10] или серых доспехах слугителей Орднунга. И то, большинство из них приходилось вырывать из рук озверевших от крови и вседозволенности горожан фольксштурма. Всё чаще армия наводила горячие дула шпрайгеров на тех, кто помогал им давить внезапно возникший мятеж в сердце Канзора. Нередкими стали стычки между мародёрами, кричавшими, что скверноносцы пожгли их дома, с отрядами лёгкой панцирной пехоты, подоспевшей к охваченному мятежом городу только вечером. Пока солдаты лишь с бранью отбивались древками копий и щитами, оттесняя от нетронутых пожаром домов

кожевников и бочкарей охотников до чужого. Но было ясно, что они с радостью вздёрнут на пики своих недавних сторонников, истошно вопивших о «восстановлении справедливости во имя Чистоты».

Напряжение в объятых мятежом кварталах нарастало.

***

— Ваша светлость, разрешите?

Человек, стоящий у широкого каменного парапета, обернулся. Налетевший порыв ветра растрепал его седые волосы, взметнув полы чёрного плаща. За его спиной пламенело зарево пожара, вызванного взрывом на торговой площади. Жирные клубы дыма медленно вкручивались в небо, затянутое серыми облаками. В воздухе ощутимо пахло дождём, а в непроглядной хмари над городом изредка прокатывались громовые разряды.

— Да, — герцог Иахим фон Ключе, глава гехаймштадтполицай Канзора, внимательно посмотрел на подошедшего. Тот был худ и невысок. На вид — либо слуга в лавке, либо писчий. Светлые волосы, как и у всех канзорцев, коротко острижены, борода и усы растрёпаны. Словом, ничем не примечательный человек.

— Он пришёл в себя, ваша светлость. Также барон фон Гюре слёзно просил передать вам прошение о помиловании, — подошедший поклонился и протянул герцогу запечатанный конверт. Тот принял его, и, не читая, сунул в стоящую рядом топку с углями.

— Три дня, — произнёс герцог, глядя как разгорается бумага с красивой гербовой печатью, — меня не было всего три дня, и вот, что получилось. Как ты считаешь, Ганс? Мятеж, это справедливая плата за наш договор с той тварью?

— Не мне решать, ваша светлость, — смиренно ответил тот, кого называли Гансом, — но условия соблюдены, и мятежники почти раздавлены. Судя по последним донесениям, их дожимают везде, где только можно. Армия контролирует город, пресекая грабежи и мародёрства. Магистр кожевников лично следит за тем, чтобы дома его мастеров не грабили.

Герцог кивал, слушая Ганса и разглядывая с парапета Халфтерплатц[11] то, во что превратился Солстар за последние два дня.

Ганс методично перечислял улицы, на которых всё ещё находились мятежники, сообщал направления ударов и количество задействованных сил. Доставая из кошель, висевшего у него на поясе свиток за свитком, сообщал имена арестованных и так далее, и тому подобное. Герцог кивал, внимательно слушая его, иногда прерывал, переспрашивая или уточняя.

— В целом неплохо, — констатировал фон Ключе после окончания доклада. — Моего личного вмешательства здесь больше не требуется. Господа военные контролируют ситуацию, и к приезду канзора[12] Солстар будет полностью очищен от нелегальной скверны.

Ганс кивнул, сворачивая и пряча бумаги обратно в кошель.

— А теперь отведи меня к нему.

Ганс поклонился, и, повернувшись к его светлости спиной, поспешил к тёмному провалу портала, ведущего вглубь замка.

Они шли недолго. Несколько развилок и поворотов и вот герцог остановился у неприметной деревянной двери, запертой на замок. Пока Ганс возился с ключами, Иахим ещё раз мысленно пересмотрел протокол допроса, который курьер доставил ему уже на обратной дороге в столицу. То, что было в нём написано, вызывало тревогу. Но, так или

иначе, он обязан слышать всё собственными ушами.

Дверь бесшумно отворилась. Герцог шагнул внутрь. Небольшая камера, в которой он оказался, едва освещалась светом единственной свечи. Грубые стены из каменных блоков были почти неразличимы в полутьме. Напротив двери, в двух шагах от герцога, стояла широкая скамья, на которой лежал изнеможённый человек, прикрытый тёплым плащом. Рядом со скамьёй находился деревянный стол с разбросанными по нему в беспорядке бумагой и перьями для письма.

Всё внимание герцога было приковано к человеку, что лежал на скамье. Он выглядел так, будто голодал несколько месяцев подряд. Кожа обтянула череп, глаза ввалились и под ними образовались тяжёлые лиловые мешки. Руки, лежавшие поверх плаща, больше походили на спицы — так тонки и хрупки они были на вид. А кожа на ладонях белела, словно перчатки. Станным казалось то, что жизнь всё ещё теплится в этом тщедушном теле.

При виде фон Клюге узник слабо ему улыбнулся, и попытался привстать.

— Не стоит, мой друг, — герцог тепло улыбнулся в ответ, и сел рядом, — ты и так потерял немало сил, не стоит себя так утруждать.

— Ваша светлость, — хриплый голос лежавшего был едва слышен, так что герцогу пришлось склониться над ним, — вы пришли! Никогда бы не подумал, что буду рад вас видеть, но вот как получилось...

— Да, жизнь сложная штука, Шнидке, — фон Клюге, внимательно вглядывался в узника, словно пытаясь что-то понять. — Я и твой хозяин часто враждовали, и вот к чему всё привело. Мятеж.

— Ваша светлость, — названный герцогом Шнидке закашлялся, — я слишком хорошо знаю вас, чтобы поверить в то, что вы ничего не знали. Скажите, вы ведь продумали всё заранее, ваша светлость? — и его губы искривила горькая усмешка.

— Не буду скрывать, что некоторые известные тебе события прошли... мм... не без моего участия. Но я ожидал не такого эффекта.

— Тут Виктор вас обыграл, да? — Шнидке злорадно усмехнулся, глядя герцогу фон Клюге прямо в глаза. — Вы не ожидали, что он успел так много сделать. Успел собрать и сплотить вокруг себя столько людей.

— Да, — Иахим спокойно кивнул, соглашаясь с собеседником. — Твой хозяин успешно водил меня за нос. Но это, как ты знаешь, ему не помогло.

Лицо Шнидке исказила гримаса ненависти, смешанная с болью и ужасом. Он закрыл глаза, пытаясь дышать глубоко и ровно, но даже это давалось ему с трудом.

— Чего вы от меня хотите? — наконец произнёс он, обращаясь к герцогу. — Мятеж, судя по всему, подавлен, Виктор мёртв, она, по всей видимости, тоже. Я рассказал вашим дознавателям всё, что знал и о чём догадывался. Вы наверняка изучили протокол допроса от корки до корки и знаете, что я не утаил ничего. Так зачем же вы здесь?! Почему не даёте мне сдохнуть, как и положено верному сторожевому псу без хозяина? Что вам ещё надо?!

— Только твой рассказ, Шнидке.

— Я рассказал всё!

— Ты знаешь мой метод. Только личный контакт, глаза в глаза. Сухие строчки и пергамент никогда не передадут всего, что чувствует человек. А я хочу понять, с кем мы имели несчастье столкнуться. Ты — последний из тех, кто остался в живых, и поэтому очень важен для меня.

— Последний? Значит... Кто ещё? — Шнидке жадно всматривался в лицо герцога, пытаясь угадать. — Барон? Нет, он не тот, кто смог бы... Граф! Фон Ляйхт!

Герцог кивнул, а лицо лежавшего внезапно потемнело.

— Когда он умер? — сухим тоном поинтересовался Шнидке и герцог обернулся к слуге.

— Три часа назад, — ответил Ганс.

— Я хочу знать всё, что он рассказал, — Шнидке жёстко взглянул на герцога.

— Но только после того, как я услышу твой рассказ. И я хочу знать всё, что там произошло. Каждую деталь, подробность. Не упускай ничего, Вильхе, — герцог мельком взглянул на Ганса. Тот уже приготовился, достав из кошелька бутылочку с чернилами. Обмакнув перо в чернильницу, принялся записывать.

[1] Огнестрельное оружие. Близкий аналог земных аркебуз.

[2] Здесь — небольшие пушки, стреляющие лёгкими ядрами и картечью.

[3] Столица империи Канзор.

[4] Название государства, где происходят описываемые события

[5] Министерство Чистоты. Инквизиция и политинформация.

[6] Основная идеология государства Канзор, запрещающая магию. Магия считается скверной.

[7] Народное ополчение.

[8] Специальный алхимический состав, необходимый для подавления неконтролируемых вспышек магии.

[9] Люди с врождённой способностью гасить магию.

[10] Внутренняя разведка

[11] Наименование тюрьмы для подозреваемых в незаконной магии.

[12] Император Канзора именуется канзором. Глава государства. Избирается Сенатом трёх палат: общин, граждан и аристократии. Здесь имеет место особенность языка, в котором наличествует совершенный артикль «дерз», обозначающий абсолютную форму в мужском роде. Все слова, начинающиеся с «дерз» пишутся с большой буквы. Артикль «дерт» означает превосходную форму в мужском роде. Слова, начинающиеся с «дерт», пишутся с маленькой буквы. Дерт канзор — правитель дерз Канзора. Но Канзор главнее канзора.

Глава 1

— ...Пять дней назад его светлость получил от неё приглашение на званый ужин. Это было пространное письмо, к которому прилагался перечень из двенадцати фамилий самых богатых и родовитых людей Солстара. Они также были приглашены.

— И Виктор совсем не удивился подобной наглости?

— Он был в гневе, ваша светлость. Написал ей в ответ очень резкое письмо, что не видит необходимости в таком ужине. Что он будет вреден для общего дела и прочее.

— И тогда она написала второе письмо?

— Да. Я лично доставил ей ответ господина. Она прочитала его на пороге, а потом велела ждать ответа.

— Велела? Тебе?

— Да, ваша светлость. И я... не послушался. Она писала около часа. Потом выскочила и попросила как можно быстрее доставить письмо герцогу.

— И что Виктор?

— Он внимательно перечитал её ответ несколько раз. После это он стал сам не свой. Приказал отменить все дела на несколько дней вперёд и отправил меня обратно к ней с устным ответом. Его светлость велел передать, что согласен почтить своим присутствием званый ужин. Только просил отпустить слуг.

Вильхе замолчал, переводя дух.

— Дальше! — нетерпеливо потребовал герцог фон Клюге.

— А дальше...

— Прошу вас, ваша светлость. Мой дом в вашем полном распоряжении, — госпожа Марта Шварцхаар присела в книксене, явив взору герцога фон Берга два великолепных полукружия цвета парного молока. Было видно, что к сегодняшней встрече она готовилась основательно. Белоснежное платье, облегающее статную фигуру госпожи алхимика, было сшито по последней моде — с глубоким вырезом, оформленным кокетливыми узорами и рюшами. Небольшое изумрудное колье, удобно примостившееся в ложбинке меж грудей, прекрасно дополняло глубокие зелёные глаза Марты. Излишне было бы добавлять, что сама хозяйка особняка отличалась изрядной миловидностью, а её длинные густые чёрные волосы были объектом зависти многочисленных благородных фройляйн в округе.

Насладившись открывшимся ему видом, герцог легко склонил голову в ответном приветствии. Этикет не требовал как-либо отвечать, ведь госпожа Шварцхаар была обычной простолюдинкой, пусть и выбившейся в свет. Но нынешние обстоятельства диктовали ему совсем другие условия, поэтому необходимо было показать этой женщине своё благосклонное расположение.

— Прошу вас, ваша светлость, проходите сюда, в гостиную. Вы, смею заметить, прибыли первым, что неудивительно при вашей репутации. Я, как вы и просили, отпустила слуг на сегодня. Разрешите? — Марта попыталась взять чёрный дорожный плащ герцога, но её опередили две руки в серых перчатках, возникшие словно бы из ниоткуда.

— Позвольте, госпожа. Не утруждайте себя, — личный слуга фон Берга, Вильхе

Шнидке, вежливо оттеснил хозяйку дома от светлейшей особы и с поклоном принял из рук герцога дорожный плащ, тёмно-зелёные стеганые перчатки и черный бархатный берет с ярким пером редкой птицы. Мгновение — и слуга исчез за широкой спиной его светлости в небольшой кладовой, оставив герцога наедине с хозяйкой дома.

Госпожа Шварцхаар сконфуженно поклонилась и засемила вперёд, провожая высокого гостя в гостиную.

Виктор фон Берге был уже немолод. Сорок лет — возраст, в котором люди, равные ему положением в обществе, активно стремятся занять выгодное место в невидимой многоэтажной конструкции власти Канзороской империи. За долгие годы «Высокой игры» герцог вывел для себя весьма несложное правило, которому он следовал неукоснительно: самое главное — не стремление вверх, к заветному для многих красному креслу в Рейхмарке[1], а возможность незаметно встать за этим креслом и тем, кто на него воссядет. Или же за тем, кто встанет за креслом канзора.

Скрипя кожей сапог, герцог шел за разволновавшейся госпожой Шварцхаар, перебирая в голове события последних напряжённых недель. Тревожные слухи от доверенных людей в Рейхмарке доходили до него давно, но именно последние новости, полученные из Сената, подтолкнули его на эту встречу. Да, в обычных обстоятельствах он встретился бы с каждым из приглашённых на сегодняшний ужин лично, в приватной обстановке его родового замка. Но всё завертелось гораздо быстрее, чем он предполагал.

Его светлость совсем не трогала богатая обстановка особняка. Он посещал его и раньше, и был прекрасно осведомлён о достатке Марты, являвшейся известным на весь просвещённый и благословенный Чистотой Канзор алхимиком. Ни полотна знаменитых художников, под которые был выделен целый зал, ни небольшой, но со вкусом разбитый садик под крышей, ни ещё несколько комнат, уставленные разнообразными диковинками и изделиями из серебра и прочих драгоценностей, не могли привлечь его внимание. Он вежливо и заученно кивал, выказывая всем своим видом лёгкую заинтересованность, скользя взглядом по «Нисхождению[2]» или «Низвержению скверны» кисти известного мастера Иогана Шлерха. Оригиналы, коими являлись данные работы, стоили баснословных денег, но госпожа алхимик явно не скупилась, обставляя свой новый дом.

Весь путь от прихожей до гостиной занял несколько минут. Небольшая столовая, в которой Марта обычно принимала своих гостей, не смогла бы вместить всех приглашённых на сегодняшний ужин. И поэтому, вместо привычной и уютной комнаты с видом на летний сад, госпожа Шварцхаар предложила герцогу занять место за роскошным обеденным столом, накрытым на тринадцать персон в пока ещё полутёмной, освещаемой только парой свечей, гостиной.

Виктор фон Берге огляделся, отмечая, что к сегодняшней встрече Марта готовилась очень тщательно. Обеденный стол украшал сервиз, изготовленный, судя по вензелю мастера, около сотни лет назад. Разнообразные бокалы, рюмки и крохотные рюмочки для крепких напитков выстроились возле каждой тарелки как солдаты на плацу. Ножи и вилки для мяса, ложечки для десертов, щипцы для колки панцирей раков и прочих морских яств, располагались в соответствии со строгими правилами сервировки. На белоснежном фарфоре тарелок ровными столбиками застыли алые салфетки, перетянутые блестящими металлическими кольцами.

А какие кушанья были на столе! И знаменитые канзорские отбивные нескольких видов, и разнообразная дичь, запечённая и фаршированная грибами, рубленным яйцом с луком и

печёными яблочками, и ставшие недавно модным кулинарным изыском салаты из фруктов и овощей. На вытянутых блюдах лежала разнообразная рыба: копчёная, жаренная и тушёная. Рядом с ней расположились морские гады и омары, приготовленные вместе с тропическими фруктами. Вазоны на столе ломились от нежного и сочного винограда, а по порезанному дольками ананасу стекал аппетитный и дразнящий сок. Вдоль стены примостились столики, на которых батареями возвышались бутылки с разнообразными винами.

Осмотревшись, герцог удовлетворённо покачал головой. Госпожа Шварцхаар явно возлагала на сегодняшнюю встречу очень большие надежды. Оторвавшись от созерцания обстановки гостиной, Виктор фон Берге обратил внимание на притихшую женщину.

— Я впечатлён. Прошу вас, госпожа Шварцхаар. Проходите. Присаживайтесь рядом со мной, — герцог уселся во главе стола и кивком указал женщине на стул рядом с ним, — Ну что же. Марта, позвольте я буду обращаться к вам приватной обстановке именно так.

Госпожа Шварцхаар кивнула. Она нервно теребила расшитый батистовый платочек и смотрела куда угодно, но только не на своего гостя. Выглядела госпожа алхимик испуганно, и, по всей видимости, уже жалела, что позволила втянуть себя в очередную партию «Высокой игры».

— Марта, сегодня здесь будут присутствовать разные люди: влиятельные, знатные, с серьёзными и крепкими связями в Рейхмарке. А кое-кто, — герцог позволил себе покровительственно улыбнуться, — является и личным другом канзора.

Марта снова кивнула, старательно пряча взгляд от настойчивых серых глаз Виктора фон Берге. В дверях гостиной появился Вильхе Шнидке. Слуга уже убрал дорожную одежду герцога в платяной шкаф, стоявший в кладовой. И пока хозяйка особняка вела его светлость в гостиную, он успел проскользнуть на кухню и прихватить оттуда блюдо с приготовленными закусками.

Герцог щелчком пальцев подозвал к себе слугу, и тот моментально оказался за спиной своего господина. Вильхе безошибочно выбрал из батареи бутылок небольшую пузатую скляницу, откупорил и налил герцогу небольшую рюмочку золотистой жидкости. Лёгкий аромат дорого вина разнёсся по гостиной, смешавшись с запахами разнообразных кушаний, коими был уставлен стол.

— Госпожа Шварцхаар, — Виктор фон Берге, поднял рюмку, салютуя хозяйке особняка, — ваш повар превзошёл все мои ожидания! Сегодня нас ожидает ужин, вполне сравнимый с императорским. Уж поверьте мне, я часто на них бываю. А какой выбор напитков! Вы не устаёте меня поражать, госпожа алхимик. «Ракузон» — лучший выбор для аперитива, и очень дорогое удовольствие. Вильхе, плесни мне немного и проверь всё ещё раз.

Слуга вновь наполнил рюмку герцога, поставил перед ним блюдо с закусками и с поклоном удалился.

— Ну, а теперь, — герцог поставил полную рюмку на обеденный стол, — я хотел бы обсудить с вами детали предстоящей встречи. Итак, Марта, вчера я получил от вас два письма. Первое — это приглашение на сегодняшней ужин. Признаюсь, я был весьма удивлён, но, просмотрев весь список приглашённых и поразмыслив, пришёл к выводу, что вы, не смотря на дерзость этого предложения, несомненно, правы в своем выборе времени и места встречи. Вы пригласили всех... ммм... заинтересованных в нашем общем деле особ, не забыв и, — его светлость сделал многозначительную паузу, — колеблющихся. К тому же глава гехаймштадтполицай фон Клюге уехал по срочному делу на восток. Судя по

имеющейся у меня информации, там вскрыли ячейку магов Ольхайма[3], обучающую всех способных и согласных предаться скверне. Если это так, то застрянет он там надолго.

Герцог усмехнулся и потянулся за рюмкой с золотистым напитком. Мило улыбнувшись, он вновь отсалютовал госпоже Швацхаар и одним глотком выпил вино.

Марта сидела на краешке своего стула, сведя ноги вместе и положив руки на колени. Она по-прежнему избегала открыто смотреть на герцога, пряча глаза от настойчивой и насмешливой улыбки Виктора фон Берга. Судя по всему, его светлость пока забавляла эта своеобразная игра в прятки.

— Что же касается вашего второго письма, Марта, оно удивило меня ещё сильнее, — продолжил его светлость, поставив пустую рюмку на обеденный стол и потянувшись за закуской. — То, что в нём написано — правда?

Госпожа Шварцхаар судорожно кивнула и уставилась на край своих серых лакированных туфелек, выглядывающих из-под подола платья. Выглядела она испуганно, кожа побелеласильнее, чем обычно, лоб покрыла испарина, а жилка на шее запульсировала в такт её ускорившемуся дыханию.

— Я ожидал чего-то подобного, — продолжил герцог, удобно откинувшись на спинку стула, — слухи ходили разные. Конечно, за слухи у нас пока в гехаймштадтполицией не забирают, но проверять обязаны. Они были у вас, Марта?

— Да, ваша светлость, — Марта судорожно сглотнула и с силой сжала измятый платочек.

— И ничего не обнаружили? — поинтересовался Виктор фон Берге скучающим голосом.

— Меня посещал барон фон Гюре, — ответила Марта, — он был очень любезен. Мы пообщались на данную тему, он подверг меня стандартной процедуре и...

— А, фон Гюре, — улыбаясь, перебил госпожу Шварцхаар герцог, — тот самый фон Гюре, сестру жены которого вы потчуете своими лекарствами и благовониями?

— Да, ваша светлость, — покорно ответила Марта.

— Понятно. И чем завершился визит нашего поборника справедливости? — герцог испытующе взглянул на Марту, поймав на мгновение её испуганный взгляд. Странно холодный, но испуганный.

— Барон не обнаружил ничего противозаконного. Ни у меня дома, — госпожа Шварцхаар густо покраснела и произнесла едва слышно, — ни во мне.

Герцог изобразил вежливое удивление. Марта сидела напротив него красная, как мак, и смотрела только в пол.

— Оставим этот случай на совести барона. Но нельзя не признать, что некомпетентность герцога фон Клюге поражает. Не знать того, что вы тайно снабжаете, — фон Берге желчно усмехнулся, — невинную графиню Флёр фон Бауре сильнодействующими возбуждающими и некоторыми запрещёнными веществами для весьма специфических развлечений того же фон Гюре — верх непрофессионализма!

Герцог захрустел засахаренным орешком, выбранным из закусок. Марта не поднимала головы, потрясённая осведомлённостью Виктора фон Берге. Конечно, только одного письма, которое она написала, было достаточно для десеквенции[4] и лишения всего, чего она добилась за свою жизнь. А того, что только что сказал герцог, с лихвой могло хватить на заключение в Халфтерплатц, а то и на синий костёр[5]. Его светлость явно давал понять, что подобных историй, связанных с ней, у него в запасе предостаточно.

Виктор фон Берге испытующе смотрел на испуганную женщину. Он был доволен. Госпожа Шварцхаар, по его мнению, понимала, на чьей стороне ей следует быть. Но за кнутом должен следовать пряник, и поэтому герцог ободряюще улыбнулся Марте. Та, не заметив этого, по-прежнему смотрела в пол.

— Марта, дорогая моя, — произнёс он успокаивающим тоном, — пусть ваши секреты останутся только между нами. Даю вам слово, что никто из тех, кто прибудет к вам на званый ужин сегодня, не узнает об этом...хм... визите барона. Зачем нам лишнее внимание к таким деталям? Так ведь? Но вы должны понимать, что ради нашего общего дела нам придётся посвятить ваших гостей в некоторые, так скажем, специфические, — он сделал упор на этом слове, — подробности вашей биографии.

Госпожа Шварцхаар, всё ещё не поднимая головы, чуть заметно кивнула.

— Да, ваша светлость. Спасибо — еле слышно проговорила она.

— Что вы, Марта, это я прошу прощения за свою бестактность! Ну, не будем об этом. Итак, вы — маг.

— Да, ваша светлость, — госпожа Шварцхаар обречённо вздохнула, подняла голову и взглянула герцогу прямо в глаза. И вновь Виктор фон Берге уловил на мгновение странный холод в её испуганно-решительных глазах.

— Позвольте уточнить практикуемое вами направления скверны? — вежливо поинтересовался герцог.

— Виталис[6], ваша светлость, — покорно ответила Марта.

— Вас где-то обучали? — голос герцога так и сквозил вежливой любезностью инквизиции.

— Да, ваша светлость. Родители. В нашей семье это... было наследственным. Но так получилось, что я осталась одна. И меня принял к себе в подмастерья алхимик, мастер Ольхвастр. Он занялся моим обучением, дал начальные знания, поспособствовал моему поступлению в академию при Альферштад[7]. Ну, а дальнейшее вам известно, ваша светлость.

Виктор фон Берге удовлетворённо кивнул. Потянувшись, он подхватил сосуд с «Ракузоном» и сам налил себе ещё. Жестом руки усадив кинувшуюся было к нему Марту, он одним глотком осушил рюмку вина.

— Согласно вашей просьбе, Марта, — сказал герцог после того, как поставил рюмку на стол и обратил свой взгляд на госпожу алхимика, — сегодня за столом нам будет прислуживать мой слуга. В своём письме вы просили меня, чтобы это непременно был Вильхе. Вам ведь известно, что у него на руках осыпь[8], и что бедняга не может легально избавиться от неё?

— Да, ваша светлость, мне это известно, поскольку ваш слуга обращался ко мне за помощью.

— Ваше снадобье, о котором вы упоминали в письме, действительно сможет его вылечить?

— И не только, ваша светлость, — с едва заметной улыбкой ответила Марта.

Герцог удивлённо приподнял бровь, но задать вопрос не успел. Раздались шаги, и в дверях гостиной появился Вильхе Шнидке.

— Ваша светлость, госпожа Шварцхаар, гости прибывают! — торжественно провозгласил он.

[1] Главный административный орган управления в государстве Канзор.

[2] Магический катаклизм, уничтоживший предыдущую цивилизацию. Считается, что его вызвало предательство Гетара.

[3] Магическое государство.

[4] Хирургическая процедура лишения магических способностей.

[5] Метод казни магов. Для костра используется специальная алхимическая соль, которая придаёт пламени синий цвет. Данная соль необходима для предотвращения выплесков магии во время казни.

[6] Магия восстановления. Используется для восстановления живых тканей.

[7] Альферштад — Министерство государственной алхимии.

[8] Вид аллергической реакции организма на неконтролируемое магическое воздействие. Выражается в виде постоянных гнойников или же постоянно слоющейся и осыпающейся коже. Болезнь не смертельна, но обычными средствами, доступными Канзорским лекарям, не лечится. Как ни странно, но легко исцеляется магией.

— Ты слышал всё, что они говорили?

— Конечно. Его светлость не доверял ей и не хотел оставаться с ней наедине. Ни на секунду. Я сопровождал их до гостиной, держась, по возможности, незаметно. А потом находился в соседней комнате, готовый помочь господину в любой момент.

— Хм. И ты не заметил ничего подозрительного?

— Нет, ваша светлость.

— Да? Ну, хорошо. Кто же приехал первым?

— Его сиятельство, граф фон Штейр.

Госпожа Шварцхаар суетилась в прихожей своего особняка, встречая прибывающих гостей поклонами и заверениями, что её дом в их полном распоряжении. Вильхе, казалось, успевал везде. Он ловко принимал дорожную одежду, помогая тем, кто не мог или же не хотел самостоятельно разоблачаться, исчезал на мгновение в кладовой и снова возникал перед шумящими гостями и госпожой алхимиком, предупредительно раскрывая перед ними двери на пути к гостиной.

Марта рассыпалась любезностями, улыбалась, и приседала в лёгких, но продолжительных книксенах. Некоторые из вновь прибывших гостей являлись её постоянными клиентами, кто-то лишь краем уха слышал о знаменитом алхимике, но каждый из них был рад видеть перед собой столь милостивую женщину.

— Фрау Шварцхаар! — воскликнул с порога его сиятельство граф Грегори фон Ляйхт, прибывший последним, — Я так рад снова лицезреть вас! Вы — услада для моих глаз, — не глядя швырнув Шнидке плащ, он галантно поцеловал левую руку Марты, а потом внезапно привлёк её к себе, довольно рассмеялся и расцеловал в обе щёки. Граф был высок и худощав. В свои тридцать пять он выглядел на пятьдесят, лицо его посекло шрамами, а волосы побелели прежде времени. Но, несмотря на это, его сиятельство небезосновательно считался весьма привлекательным мужчиной, и многие молодые и знатные особы женского пола находили, что Грегори фон Ляйхта седина и шрамы только украшают. К тому же граф был героем недавно отгремевшей войны на севере, лично награждённым канзором, и значительно расширившим свои владения.

Марта, как и положено, смущённо заулыбалась. Граф был одним из её постоянных клиентов и частенько позволял себе такие, как он их называл, «дружеские проступки».

— Прошу вас, Грегори, — сконфуженно и еле слышно проговорила она. Мягко высвободившись из настойчивых рук его сиятельства, Марта сказала, — нас уже ждут! Следуйте за мной. Ой! — фон Ляйхт легко шлёпнул молодую хозяйку особняка пониже спины и снова попытался привлечь её к себе. Но госпожа алхимик в этот раз легко увернулась от его объятий, и граф прекратил попытки прижать девушку к груди.

— Что ж, властительница дум моих, ведите меня в это логово, где собрались самые ядовитые скорпионы нашей славной родины! — шутливо воскликнул он, устремляясь за Мартой и незаметным Вильхе Шнидке.

— Граф, добро пожаловать, — приветствовал вошедшего в гостиную фон Ляйхта герцог фон Берге.

— Ваша светлость, — граф легко склонил голову, отвечая сидевшему во главе стола

герцогу, — ваши сиятельства, барон, господа, — обратился он к остальным, — рад вас видеть и приветствую.

Пока звучали ответные любезности, Марта, лавируя между знатными гостями, пробралась на место, обозначенное Виктором фон Берге подле него. Она с самым скромным видом примостилась на стуле, наблюдая, как гости вновь рассаживаются за обеденным столом. Граф фон Ляйхт был видной фигурой в Солстаре и каждый стремился лично выказать ему своё почтение.

Наконец все гости расселись, услужливый Вильхе разлил по бокалам рубиновое вино, и герцог фон Берге провозгласил первый тост: «За Канзор!».

Выпили стоя, с силой впечатывая крепкие стаканы из алхимического стекла в белоснежную скатерть.

— Друзья, — продолжил герцог, после того, как только гости снова уселись за стол, — сегодня мы собрались здесь по приглашению нашей чудесной хозяйки, — он изысканно поклонился Марте, — для того, чтобы обсудить — ни много, ни мало — судьбу нашей великой родины. Я полагаю, что последние изменения во внутренней политике Сената, а также неприкрытое влияние некоторых личностей из тайной полиции на канзора, вызывают у нас всех вполне обоснованную тревогу. Увеличение налоговой повинности для некоторых благородных домов, давление на старшие цеха и прямое потакание Альферштад в монополизации ими новейших научных исследований, неофициальный запрет на использование услуг чаромантов[1] и практиков[2], - перечислять можно долго, но вы и сами в курсе последних событий. К счастью, момент коренных изменений ещё не упущен. И сегодня я хотел бы обсудить с вами то, что позволит нам, а не господам из службы герцога фон Клюге и Альферштад, встать во главе изменений, происходящих сейчас как в Солстаре, так и в других городах Канзора.

— Но что мы реально можем? — тут же раздался из другого конца стола мощный бас его сиятельства Ганса фон Штейра. Полный граф в серо-зелёном костюме, украшенном серебряным шитьём, недовольно хмурился, кидая из-под седых кустистых бровей недоверчивые взгляды на окружающих его господ. Как и большинство из собравшихся здесь, он был немолод. Чрезмерное увлечение вином и едой оставило на нём характерные следы в виде дородного брюха, постоянной одышки и нескольких подбородков на попятнанном оспой лице. Но он не погряз в распутстве и бесконечном веселье пиров, охот и турниров, как многие из его знакомых и тех, кого ещё можно было назвать друзьями. Граф был богатым землевладельцем, двое его младших сыновей воевали сейчас на востоке в должности капитанов новообразованных отрядов штрайгеров[3], а старший недавно удачно женился на дочери соседнего маркграфа, обзаведясь соответствующим титулом. И пусть здесь, в Солстаре, граф фон Штейр бывал редко, и только по важным делам, его богатство, а также вес в обществе делали его заметной и узнаваемой фигурой.

— Уже сейчас цеха, связанные с Альферштад, монополизировали производство огненных солей[4]. Вы, конечно же, знаете, что я поддерживаю тесные связи с «Цаплями» — крупнейшим цехом алхимиков Норшгерна[5]. Именно они обеспечивали запас огнесмесей для отрядов моих сыновей. И, стоит отметить, смеси были весьма неплохи. Сейчас же их запасы истощились, а поставщики лишь разводят руками, так как по новому закону они обязаны снабжать только алхимиков магистра Кубиуса[6]. А тот уже сам решает, кому и что выделять! И я был вынужден, — граф побагровел и с силой сжал мощные кулаки, — лично подавать прошение этому инородцу... А потом два часа ждал ответа в его приёмной, как

какой-нибудь безродный. И что в итоге?! Он даже не пригласил меня к себе, а передал эту бумажонку через секретаря!

Граф фон Штейр достал из-за широкого шёлкового пояса свёрнутую в тугую трубу дешёвую писчую бумагу и с отвращением швырнул её на стол, как ядовитую змею. Вильхе, повинувшись едва заметному движению руки своего хозяина, ловко подхватил злополучное письмо и с поклоном передал его герцогу.

— Вы позволите, граф? — учтиво поинтересовался Виктор фон Берге, прежде чем развернуть свиток.

— Извольте, ваша светлость, — зло и устало согласился фон Штейр, — я полагаю, что собравшимся здесь господам будет полезно узнать, кто теперь стоит у руля нашей великой родины.

— Что ж, — герцог быстро пробежался глазами по тексту, откашлялся и начал читать, — «Его сиятельству, графу Гансу фон Штейру! С сожалением сообщая Вам, что в настоящий момент Альфершгад не имеет возможности выделить необходимое количество...» язык сломаешь, как они всё это произносят?! «...для алхимического цеха «Цапли» из Норшперна. Но Ваше Сиятельство может закупить готовых огненных солей типа «Штурм» в алхимических лабораториях Альфершгад. С почтением и уважением, магистр Альфонс Кубиус». Подпись и печать. Хм.

Герцог свернул письмо и, не глядя, передал его возникшему у него за спиной Шнидке. Тот с поклоном принял злополучную бумагу, а мгновение спустя оказался рядом с графом фон Штейром. Его сиятельство с раздражением выхватил из рук расторопного слуги серый свёрток и с отвращением затолкал его обратно за пояс. Вильхе тем временем наполнил опустевший бокал графа вином, и, ловко орудуя двузубой вилкой и огромным ножом, принялся разделять коричневую плоть зажаренного поросёнка.

— Пять лет назад за такое письмо можно было спокойно вызвать на дуэль, — заметил граф фон Ляйхт, поглощая красного омара — редкий деликатес для далёких от моря равнин.

— Дуэли под запретом — вот всякая мразь, вроде этого Альфонса, и лезет во власть! — прорычал в ответ фон Штейр. Сидевшие за столом гости встретили эту фразу одобрительным гулом. Даже герцог приподнял бокал с вином, соглашаясь со словами старого графа.

— Не один вы, ваше сиятельство, испытали на себе эти... нововведения, — раздался голос господина Генриха Шляйхе, магистра цеха оружейников «Три пера». Его толстые пальцы лежали на массивной железной цепи из двадцати двух звеньев. Как и граф фон Штейр, он был дороден и на его лице так же оставили свою печать вино и жирное мясо, к которому магистр питал особую слабость. Он не был дворянином, так как кодекс его цеха запрещал становиться даже фраем[7], будучи равное общественное положение с другими мастерами. Но, несмотря на это, его второй и третий сын щеголяли новыми баронскими титулами и личными гербами. И они, так же, как и сыновья фон Штейра, служили, но не капитанами, а лейтенантами отрядов «Лебедей»[8]. И каждый пикенёр этих отрядов был вооружён знаменитыми шильями[9] с трёхгранными наконечниками из лучшей Канзорской стали, пробивающей даже усиленный магией доспех. А на кирасах и бригантинах «Лебедей» гордо сияли серебром три пера, вычеканенные на груди. Ведь большую часть солдат этого отряда составляли такие же вторые и третьи сыновья подмастерьев и мастеров цеха оружейников.

— Ваше сиятельство, — продолжил магистр, — вы слышали о том, что учинил этот

Кубиус с поставщиками угля?

— Нет, — ответил граф, — но подозреваю, что он перехватил у вас всю партию, и ваши мастера вынуждены сидеть без работы.

— К сожалению, ваше сиятельство, всё намного хуже. Нет, поставки угля не были перекрыты. Наоборот, цены были снижены, но на каменный карокский уголь. Тот самый, — дымный и вонючий, которым топят печи в домах всякой черни. А на деревянный унгорский или же на женкарский антрацит поставщики взвинтили такие цены, — Генрих Шляйхе сделал движение рукой, словно бросал вперёд гость зерна, — что мы скоро начнём работать себе в убыток, — он подхватил кубок с вином и одним махом осушил его.

— Самое отвратительное, — продолжил глава оружейников, — то, что лучший уголь идёт по бросовой цене «Скорпиусам», этим выскочкам, пригретым Альферштад.

— Позвольте уточнить, — вмешался герцог, — вы имеете в виду ту группу молодых подмастерьев, которые с таким скандалом покинули ваш цех около года назад?

— Да, ваша светлость, именно этих выроdkов! — зло рявкнул Генрих Шляйхе. — Простите, госпожа Шварцхаар, но магистр Кубиус, да отсохнет его конец, тянет к себе всякую неблагодарную шваль, которую и на порог честного дома пустить зазорно! Они, да, ремеслу научились и инструментом работать могут, но дурь их младую выбить из них не успели. И теперь они в открытую нарушают наши цеховые законы! Магистр Кубиус выделил им целый склад, в который эти проходимцы натащили всяких у нас, «Трёх перьев», уворованных инструментов, да и начали мастерить, не соблюдая цеховых правил и распорядков. Мало того, что эти негодяи все вместе работают, так ещё и привилегиями пользуются! Цены на материал им скинули, а нам — подняли! И они теперь дешевле нас торгуют! Прямо на рыночной площади! А тронуть их никак нельзя, стража сразу в яму кинет. И нам, чтобы удержаться на плаву, приходится повышать цены, так как хороший уголь нам сейчас очень дорого выходит.

— Вас выдавливают с рынка, Генрих, — констатировал очевидное граф фон Ляйхт, принимаясь за следующего омара, — причём делают это весьма грубо, не считаясь с вашими прошлыми заслугами.

— Вы совершенно правы, ваше сиятельство, — тяжело вздохнув, ответил глава оружейников, — Двести лет наш цех создавал лучшее оружие в Канзоре. Победа в войне на севере, в которой вы, ваше сиятельство, принимали участие, была вынесена на наших клинках и пиках. Те же восстания на юге. Мои сыновья — всегда на острие атаки, давят и колют проклятых скверноносцев нашими шильями, на каждой из которых есть три пера! И если меня спросят насчёт...

— Спасибо, магистр, — герцог фон Берге прервал словоохотливого Генриха Шляйхе, не дав тому продолжить свои причитания. Всем было известно, что если магистра не остановить, то он может говорить и говорить часами. — Я уверен, господа, что вам всем есть, что рассказать, но, простите мою грубость, это всего лишь слова. Я же хочу заострить ваше внимание на нескольких основных причинах, почему все это стало возможным и происходит. А также на том, что мы можем всему этому противопоставить.

Вильхе молнией метался от гостя к гостю, меняя блюда с едой, наполняя пустеющие кубки вином, нарезаая на тонкие ломти копчёную грудинку, колбасу и чёрный чесночный канзорский пудинг, который подаётся лишь к мясным блюдам.

Госпожа Шварцхаар, не произнёсшая в начале ужина ни слова, сидела рядом с герцогом, теребя в руках батистовый платочек и глядя только перед собой. Её блюда и вино

оставались нетронутыми, и Шнидке всякий раз проносился мимо неё, не удостоив хозяйку дома даже толикой своего внимания.

— Первое, — герцогу пришлось повысить голос, так как гости тут же зашептались между собой, задетые словами его светлости, — это усиление позиций господ из Альферштад за счёт их последних открытий и внедрения их в производство. Конечно, это связано с личностью магистра Альфонсо Кубиуса, который пустил в официальную науку таких выскочек, как Харт[10]. Благодаря их работам, в том числе не только в области алхимии, но и в изучении тех же молний, металлов, искусства счёта, филологии...

— Философии, ваша светлость, — раздался запинаящийся женский голос. На мгновение над столом повисла оглушительная тишина, даже Вильхе застыл с очередным подносом в руках, поражённый тем фактом, что герцога фон Берге решила перебить какая-то простолюднка.

Глаза Марты расширились, когда она поняла, что произошло, а пальцы с такой силой натянули платочек, что, казалось, сейчас порвут его.

— Хм... Философии. Спасибо, госпожа Шварцхаар, — Виктор фон Берге продолжил с таким видом, будто ничего не произошло, — и прочих науках, которые смогли продвинуть производство вперёд. Ваша история со «Скорпиусами» не уникальна, магистр Шляйхе, совсем не уникальна. То же самое происходит и с кузнечными цехами, из которых бегут молодые подмастерья. Магистр Кубиус собирает их и организует собственные производства с использованием тех же молний Харта и новых сплавов металлов, о которых вам ничего не известно. И, надо признать, несмотря на некоторые трудности, с которыми столкнулись эти молодые ма... — увидев непроизвольную гримасу на лице магистра оружейников, герцог коротко усмехнулся и продолжил, — выскочки добились определённых успехов, — к примеру, та же новая технология производства стволов для штрайгеров, основанная на сверлении, а не навивке горячей полосы на заготовку. Но вы это и сами знаете.

Шляйхе недовольно кивнул. Всем было известно, что последняя партия штрайгеров «Трёх перьев» впервые не была закуплена в полном, привычном для успешного цеха оружейников, объёме. Заказчик, капитан крупного новообразованного отряда смешанной пехоты, взял часть огнестрелов у упомянутых выше «Скорпиусов».

— Второе, и немаловажное — это наша неспособность удовлетворять растущие потребности империи. Разрешённую скверну давят и душат, вытесняя её новыми, и, надо признать, качественными товарами. Старшие цеха прочно связаны с чаромантами, и до последнего времени это было их преимуществом. Но новое производство прекрасно обходится без магии. Альферштад и тому молодняку, кто поддерживает эти преобразования, есть, что предложить Канзору. И, к сожалению, в дальнейшем это будет давать более мощный как военный, так и экономический эффект, нежели то, что предлагаем сейчас мы. Старые дома и цеха, которые не смогут приспособиться под новые условия, будут использовать как, простите, дойных коров. Да вы и сами уже ощутили на себе увеличение налогового бремени, господа, — согласный гул был ему ответом.

— Третье — это народ и новые веянья в его жизни. Вы все прекрасно знаете, что в нашем обществе существует чёткое разделение. Земледельцы живут землёй и обеспечивают нашу страну едой, шерстью, льном, вином; городские ремесленники одевают и обувают нас, а также весь Канзор. Вторые и третьи сыновья расширяют владения нашей империи, торговцы везут товары и свет нашей науки во все уголки мира, а алхимики создают зелья, чтобы облегчить труд и жизнь всех жителей Канзора. Каждый занимался своим делом, и

испокон веков сын каменщика был каменщиком. Или воином, но никак не торговцем или же, — герцог желчно улыбнулся, — фраем. Так было. Так есть. Но так уже больше не будет, господа. Вы знаете, что Альферштад пять лет назад начала открывать трёхгодичные школы для всех, кто может заплатить минимальный взнос. Там бедноту учат простому счёту и письму, основам Чистоты, а также рассказывают, как хорошо жить в больших городах, работая на благо нашей великой родины. И вот, буквально на днях до меня дошли слухи, что около ста человек, закончивших эти школы, сбежали от своих семей сюда, в Солстар. И что часть из них приняли к себе в ученики те же «Скорпиусы».

— Твари! — рявкнул, не стесняясь, магистр Шляйхе. — Подлые, мерзкие твари! Передавать секреты мастерства каким-то проходимцам без договора и разрешения магистрата цеха! Это неслыханно!

— И, тем не менее, это наша реальность, господа, — спокойно произнёс герцог фон Берге.

— И я повторяюсь, ваша светлость, — мрачно проговорил граф фон Штейр, — что мы можем предпринять? У них, этих господ из Альферштад, на руках все козыри. Они, как ни прискорбно это осознавать, обошли нас на повороте и ускакали далеко вперёд. Что же нам делать, ваша светлость?

Над столом повисло тягостное молчание. Глаза всех присутствующих, за исключением Марты и Вильхе, занятого очередным блюдом, были обращены на Виктора фон Берге. Смотрели зло, испытующе, но в то же время с едва скрываемой надеждой. Ведь они собрались здесь не только по приглашению госпожи Шварцхаар. Все они знали, кто на самом деле стоял за хрупкими с виду плечами госпожи алхимика, написавшей всем письма с «нижайшей просьбой почтить её своим присутствием». И они знали, чем может грозить званый ужин, если вороны фон Клюге просунут свои клювы в эту гостиную и донесут своему хозяину содержание здешних бесед. Но всё равно пришли, так как верили тому, кто сейчас стоял во главе стола.

— Господа, — начал герцог после непродолжительного молчания, — всё, что я сейчас произнесу, должно остаться в стенах этого гостеприимного дома, под надёжной охраной его хозяйки, — Марта вздрогнула, потому что рука Виктора фон Берге опустилась ей на плечо и сжала его с неожиданной силой, выдавая волнение, охватившее его светлость.

— Граф, — герцог глядел прямо на Ганса фон Штейра, — вы сказали, что наши...мм... соперники обошли нас на повороте и ускакали далеко вперёд?

— Да, ваша светлость, именно так я и сказал, — подтвердил граф.

— А что делать, если ваша лошадь не может больше везти?

— Поменять эту клячу на здоровую и молодую кобылу. Но я не пойму, ваша светлость, к чему вы клоните?

— Всё очень просто, господа. Мы должны предложить империи нечто более эффективное, чем новейшие достижения алхимии. Нечто, что сможет поднять нашу державу на недостигаемую для других высоту. Да, господа, — герцог оглядел испуганные лица сидевших за столом людей, которые, наконец, поняли, во что их втягивают, — я предлагаю вернуть в Канзор настоящую магию.

[1] Мастера, придающие своим изделиям те или иные полезные магические свойства. В Канзоре они обязаны иметь официальное разрешение и лицензию на занятие слабой магией.

[2] Слабые маги, имеющие официальное разрешение и лицензию на свою практику. Их

деятельность строго регламентирована и обложена соответствующим мажеством — «Налогом Чистоты». В связи с этим в Канзоре в последнее время активно развивается чёрный рынок магических услуг.

[3] Новый регулярный вид войск Канзора с огнестрельным оружием, аналог аркебузистов (чего? поясните)).

[4] Легко воспламеняющееся и моментально сторающее вещество. Аналог земного пороха, с немного лучшими свойствами (выше горючая и взрывная силы).

[5] Крупнейший город Канзора. Один из крупнейших центров алхимического и цехового производства.

[6] Глава Альферштад. Не чистый канзорец и не дворянин.

[7] Низшее дворянское звание Канзора. Означает «свободный выбор». Не даёт право на герб, земельный надел и приставку «фон» к фамилии. Но его владелец имеет больше прав, чем простолюдин и пользуется базовыми дворянскими привилегиями при поступлении на военную или государственную службу. Фрай в армии — ефрейторы, сержанты. На госслужбе — писцы, порученцы, распорядители. Продвинуться вверх по дворянской иерархии могут только военные.

[8] Название одного из отрядов лёгкой канзорской пехоты

[9] Шилье — от старого канзорского, означающего «насквозь». Этим словом обозначали наиболее длинные и острые пики.

[10] Ганс Симон Харт — опальный учёный, профессор. Исследователь небесного электричества. Вступил в конфликт с предыдущим руководством Альферштад и прибывал в немилости до появления магистра Кубиуса.

— Хм, это совсем не похоже на Виктора. Чтобы так прямо... Почему он сказал именно так, Вильхе?

— Точно не знаю, ваша светлость. Рискну предположить, что это была лишь проверка. Наверное, он хотел посмотреть на их реакцию, но результат превзошёл все ожидания.

— Барон?

— Да, ваша светлость. Этот мальчишка... Что взбрело ему в голову? Ведь за неделю до этого он тайно встречался с его светлостью, и был рад принять участие в нашем деле. Не знаю, что на него тогда нашло, но полагаю, он просто испугался и решил соскочить.

Повисшую тишину прервал неожиданный звон посуды и стекла, перемежающийся со скрипом отодвигаемого стула. Барон Руан Галийский, сидевший на другом конце стола от герцога, резко вскочил с места. Самый юный среди собравшихся заговорщиков, двадцатилетний дворянин, сын малоизвестного землевладельца из Гале, что была одной из южных провинций Канзора, слыл ярым приверженцем идей Чистоты. По слухам, он искал влиятельных друзей и добивался официального признания своего права на земли отца, так как старший барон фон Гале отказался от сына по весьма пикантным обстоятельствам. Правда, дворянского звания не лишил, оставив своему отпрыску возможность заработать себе на жизнь военной службой.

Руки молодого барона сжались в кулаки, и он силой ударил по столешнице. Тонкие капризные черты лица исказились гневом, глаза опасно горели. Не дав никому ни опомниться от изумления, он заговорил, обращаясь к герцогу фон Берге:

— Это как же понимать, ваша светлость! Вы предлагаете нам отбросить то, что делает нас истинными канзорцами? Добровольно предаться скверне в самом мерзком её понимании, после всего, что пережила наша родина во времена Нисхождения? После того, что вынес наш народ из-за предательства Гетара[1] и поклоняющихся ему? Или вы, ваша светлость, позабыли, чего мы лишились благодаря скверне, на которую вы так упоуете?! Так я вам напомню! Те земли, по которым сейчас марширует наша победоносная армия — издревле принадлежали нам. По праву крови!

— По праву крови... — раздались тихие голоса со всех сторон стола.

Гости госпожи Шварцхаар шептали старую, затвержённую с детства фразу, склоняя головы, будто в молитве.

По праву пролитой крови предков, до последнего оборонявших пределы некогда великой империи Канзорат. Тех, кто сражался с дикими племенами и бывшими союзниками без надежды на помощь исчезнувшей в безумстве Кары родины.

Измученный Нисхождением, разорванный на части неизбежно возникающими междоусобицами, будущий Канзор захватывали и порабощали пращуров тех, кто сейчас упорно сопротивлялся восстановлению справедливости. Те, кто пытался противиться кованому сапогу пехотинца, острому наконечнику шилье в руках пикинёра и горячему стволу штрайгера нечестивыми огненными шарами, кислотными дождями, разъедающими плоть за несколько коротких мгновений. Они крепко проросли на плодородной почве бывшего Канзората. Они отчаянно бились за землю, которую тоже считали своей, часто до

последнего бойца и жителя небольших городков и деревушек. Но им нечего было противопоставить холодной и справедливой ярости канзорского солдата, подкреплённой алхимией и нультами.

По праву крови. Да воссияет Чистота над осквернённой землёй, и да смоеет она скверну!

— Или вы забыли, ваша светлость, чем опасна скверна и что она творит с нашим миром?! — продолжил, повышая голос, молодой барон, — каждый маг, каждое заклинание, произнесённое им, каждый магический артефакт или тварь из-под Холмов[2] приближают нас к повторному Нисхождению! Наше учение Чистоты свято и нерушимо! На нас, на Канзор, возложена миссия по спасению мира от скверны, которой вы решили предаться. И зачем?! Чтобы выжить и набить себе карман! Как вы можете, ваша светлость...

— Барон, сядьте, — голос Виктора фон Берга был сух и спокоен, а на лице читалось плохо скрываемое презрение.

— Нет! Я... — что хотел сказать Руан, никто так и не узнал, потому что барон умолк, не договорив фразу. Возле его горла застыл отточенный столовый нож, который держала рука в серой перчатке, принадлежащая Вильхе. Слуга герцога неожиданно для всех за спиной молодого дворянина. Слегка надавив лезвием на кадык, Шнидке ждал команды своего господина.

— Барон, сядьте — повторил герцог фон Берге тоном, не допускающим пререканий, — Вильхе, помоги его милости занять место за столом. И проследи за тем, чтобы впредь таких инцидентов не возникало.

— Ваша светлость! — вместе с громким и злым голосом вновь раздался скрип отодвигаемого стула, и граф фон Ляйхт поднялся со своего места.

Слуга герцога застыл, не двигаясь. Рядом с трясущимися от страха губами, стоял Руан. Штрайг[3] графа смотрел прямо на Вильхе.

— Прошу вас объясниться, Виктор, — голос фон Ляйхта звенел от гнева, — Барон несмотря на излишнюю патетику, всё же прав. А озвученное вами — это даже больше, чем просто государственная измена. Не стоит, милейший, — последнее относилось уже к Вильхе. Слуга медленно, почти незаметно, передвигал пальцами нож так, что бы было удобнее метнуть его.

— Грегори, прошу вас, — герцог скрестил руки перед собой, — не делайте столь поспешных выводов. Барон ваш друг, но поверьте, не всё так... однозначно, как вы, вероятно, считаете. Вы хотите моих объяснений. Что же, я их вам предоставлю. И вам, господа! А пока, прошу вас, граф займите своё место за этим чудесным столом. Вильхе!

Слуга одним движением ноги подвинул тяжёлый резной стул, и с максимально подчёркнутой вежливостью убрал нож от дворянского горла. Барона трясло. Он позволил Вильхе усадить себя за стол, не отрывая взгляда от садящегося напротив него граф. Секунду спустя слуга наливал тяжело дышащему барону вина.

— Барон, я разочарован, — герцог фон Берге холодно и брезгливо смотрел на молодого дворянина, — после нашего последнего разговора вы показались мне разумным и рассудительным молодым человеком. А тут такая речь. Вам только в Сенате и выступать. Там вы смогли бы найти более достойное применение своим ораторским талантам. Вполне возможно, что и найдёте.

Барон одним залпом выпил предложенный ему кубок с вином. Сделав слишком глубокий глоток, он поперхнулся, выплеснув часть вина себе на одежду и стоявшие перед ним блюда. Со злостью выхватив белый платок, который сразу протянул ему

предупредительный слуга, Руан стал вытирать лицо и заляпанный камзол. Вильхе тем временем убирал залитые вином блюда и ставил на их места новые.

— Да, Виктор, — это уже был граф Себастьян фон Орто, — мы хотели бы услышать ваши объяснения. Как так вышло, что вы, известный борец за просвещение и Чистоту, предлагаете нам... такое, — граф запнулся, пытаясь подобрать правильное слово, — решение. Даже государственный переворот ничто по сравнению с этим!

Седой и сухопарый граф как бы случайно положил руку на отточенный нож, точно такой же, каким недавно Вильхе угрожал барону. Он смотрел на герцога прямо и без страха. Своей известностью, знатностью и богатством он ничуть не уступал Грегори фон Ляйхту, а синий генеральский мундир, доставшийся ему за десятилетия верной и безупречной службы, давал ему право даже на гораздо большее, чем простое выражение недовольства. Он оглядел остальных гостей. А те как будто только этого и ждали.

За обеденным столом тут же раздались одобрителльные выкрики. Гости зашумели, требуя объяснений. Громче всех кричал магистр Шляйхе, не забывая при этом отхлёбывать вина из кубка. Вино, естественно, подливал услужливый и незаметный Вильхе.

Герцог с едва заметной ухмылкой смотрел на разошедшихся гостей. Почти каждый из них пытался докричаться до него, донести до его светлости то, что он ошибается, заблуждается или что ещё хуже. Безмолвствовали лишь трое. Молодой барон, граф фон Ляйхт и граф фон Штейр. Они ждали ответной речи Виктора фон Берге, и каждый из них молчал по своей особенной причине. Страх, интерес и усталость. Вот что прочёл герцог в их глазах и лицах.

— Господа! — голос герцога, ставший неожиданно жестоким, как удар стеклом, хлестнул по залу, призывая к тишине. Гости умолкли.

— Я надеюсь, — продолжил Виктор фон Берге, убедившись, что в гостиной восстановилась полная тишина, — что все присутствующие здесь понимают, почему именно они были приглашены сюда. Каждый из вас, — он обвёл тяжёлым взглядом гостей госпожи Шварцхаар, и многие опускали глаза вниз, не выдерживая его, — каждый, — произнеся это слово Виктор фон Берге выдержал паузу, смотря на сидевших напротив него людей, — имеет постоянные сношения с тем, что мы называем скверной. Я не беру в расчёт невинные забавы с витоманством или Источниками[4] воды, что, если вы не забыли, запрещено Ордрунгом. Подобное можно найти почти в каждой вашей деревне. Нет господа, за каждым из вас есть кое-что посерьёзнее. Нечто такое, что позволяет вам понять, что в использовании магии, да, именно магии, господа! — герцог повысил голос, так как фон Штейр явно порывался возразить его светлости, — нет ничего опасного. При разумном подходе, конечно же. И вот об этом подходе я и хотел бы поговорить с вами.

Виктор фон Берге замолчал. Молчали и гости. Никто не решался высказать хоть слово против сказанного.

— Но, ваша светлость, — скрипучий и тяжёлый, как дубовая дверь, голос графа фон Штейра, наконец разорвал напряжённую тишину, повисшую в гостиной, — то, что вы предлагаете... Это же подрыв всех устоев! Да, я не скрываю, что скверна помогает мне, продлевая мою жизнь, но кто об этом не знает?! Весь Солстар, куда не пойдешь, гудит у меня за спиной, перемывая мои старые кости, что мол, дворянин чистых кровей, а пользуется услугами нечестивцев. А что делать? Ведь без неё, скверны, эти коновалы, гюндерсы,[5] давно бы свели меня в могилу. Но, ваша светлость, лично для меня это не повод, что бы поддерживать полновесный переход Канзора к, — граф на секунду запнулся, а потом, словно

выплюнув гнилую ягоду, произнёс, — магии. Мы заперли скверну, ограничили её использование и силу, и я считаю, что это правильно. Возможно, что снятие определённых ограничений на силу практикантов поможет нам ненадолго обойти магистра Кубиуса и иже с ним, но что в итоге? От нас отвернуться даже те, кто скрытно пользуется услугами тех же магов Ольхайма. И вы как-то забыли, что Ордунгу, этим фанатикам, всё равно дворянин ты или нет. Нас отправят даже не в Халфтерплатц, а сразу на костёр и сожгут на потеху толпе, щедро посыпая синей солью и читая отрывки из «Безупречной Чистоты[6]». Ваша светлость, извините, но то, что вы предлагаете, это путь в никуда — закончил граф, потрясая своей косматой головой. И все гости за столом одобрительно загудели, соглашаясь с его сиятельством.

— Спасибо, граф, — Виктор фон Берге слегка наклонил голову, благодаря старого фон Штейра, — ваши слова, а так же все ваши претензии господа ещё больше уверили меня в правильности выбранного мной пути. Что ж, позвольте мне объясниться. Наша нация почти полностью отказалась от магии после Нисхождения и предательства Гетара. Не буду углубляться в историю, она вам и так известна. Но с тех пор мы, канзорцы, активно развиваем алхимию, воспитываем нультов, тренируя и оттачивая их способности, постепенно отказываясь от даров скверны. За прошедшие семьсот лет нам удалось восстановить часть нашей былой мощи, воспитать нацию целеустремлённых и самоотверженных людей, готовых как один встать в строй во славу нашей родины и Чистоты. У нас сильнейшая армия на континенте, а о достижениях наших алхимиков ходят легенды. Те же соляные бомбы[7] для бань госпожи Шварцхаар, — герцог посмотрел на Марту и та зашлась красными пятнами. Во время ссоры госпожа алхимик сидела словно неживая, бледная как полотно, и все казалось, про неё забыли. Смущенная вниманием, которое на несколько мгновений привлёк к ней его светлость, она смущённо забормотала «что вы, ваша светлость, это такая безделица, совсем не стоит упоминания...». Не слушая её, герцог продолжил:

— Кажется, что всё хорошо. Мы, Канзор, на пике своего могущества, а впереди, — его светлость, позволил себе горькую усмешку, — ещё более высокие вершины, которые обязательно лягут к нашим ногам вместе с остальным миром.

Герцог замолчал и посмотрел на слушающих его гостей Марты Шварцхаар долгим и пристальным взглядом. Фон Штейр глядел в свою тарелку, изредка ковыряя в ней тонкой серебряной вилкой. Руан Галийский сычом смотрел то на Вильхе, то на его светлость, а граф Грегори напряжённо поглаживал рукоятку своего штрайга, который он положил прямо перед собой, и не спускал глаз со Шнидке. Остальные слушали внимательно, стараясь не пропускать ни слова.

— Но это не так, господа. Наш мир — мир магии. Хотим мы того или нет, но путь, который мы избрали, приведёт нас к гибели. Тише, тише, — герцог поднял руку, призывая вновь разошедшихся гостей госпожи Шварцхаар успокоиться, — Позвольте мне пояснить. Мы раздвигаем границы Канзора, возвращая себе утраченное. Но новые территории увеличивают нагрузку на административный аппарат и экономику. Уже сегодня нам сложно контролировать провинции, и как результат — магические бунты. А легальная магия, которой у нас разрешено пользоваться, слаба, малоэффективна и не всегда справляется с возложенными на неё задачами. На юге, особенно в Гале, уже почти не делают различий между разрешённой и запрещённой скверной, — барон с такой силой сжал вилку, что его пальцы побелели. Но он не проронил ни слова, продолжая и дальше слушать герцога. —

Беженцы народа хогг[8], нашедшие приют в лесах баронства, не скрываясь, промышляют чародейством. И это только один из примеров.

— Эти твари зашли слишком далеко, — процедил сквозь зубы молодой барон. Последняя фраза его светлости, видимо, задела Руана Галийского за живое. Его нижняя губа слегка подёргивалась от гнева, жир с мяса на вилке капал на красивые манжеты белоснежной сорочки, оставляя на ней коричневые разводы. — Клянусь, что после того, как мои права на замок и земли будут подтверждены Сенатом, я разделаюсь с этими мохнатыми нечестивцами...

— Барон, — голос герцога был сух и холоден, а лицо выражало настоящее презрение, — постарайтесь впредь не перебивать меня! Иначе весь Солстар, помимо присутствующих здесь, официально узнает о вашем пушистом гареме из хоггок. Или вы мечтаете пройти по улицам этого города нагишом и, прошу прощения господ, обмазавшись дерьмом?! Если да, то устроить это не сложно.

Ошеломлённый Руан застыл, побелев, как простыня. Секунда напряжённого и изумлённого молчания сменилась громкими криками возмущения и поношений. Кричали и стучали кулаками по столу все, за исключением Грегори фон Ляйхта. Тот, усмехаясь и качая головой, продолжал следить за перемещениями Вильхе. Слуга герцога ловко лавировал среди разбушевавшихся дворян, торговцев и магистров, собирая тарелки с остатками кушаний и заменяя их новыми.

— Господа, господа, — громкий голос герцога перекрыл стоящий в гостинной гвалт. И гости, заслышав его, умолкали, — я полагаю, что барон всё осознал, и постарается избавиться от, так скажем, причуд своей молодости во благо общего дела. Я прав, Руан?

— Да, ваша светлость, — еле слышно проговорил бледный юноша.

— Извините, барон, я не расслышал, — герцог поставил локти на стол и переплёл между собой крепкие, совсем не дворянские, пальцы.

— Да, ваша светлость, — ответ Руана Галийского на этот раз прозвучал громко и чётко. — Я приложу все усилия, чтобы избавиться от порочащих меня и мою семью... мм... причуд.

— Великолепно, — Виктор фон Берге сухо улыбнулся, и отвел свой взгляд от барона, — господа, я думаю излишне напоминать о том, что всё услышанное вами здесь, в этой гостинной, не должно быть донесено до чужих ушей или глаз каким-либо способом. Я, с вашего позволения, продолжу. Мы, канзорцы, несём в мир Чистоту. Но чем дальше идут наши солдаты, тем слабее Её свет. Да, пока маги мало что могут противопоставить нультам, а разрозненность варваров играет нам только на руку. Но что дальше? Насколько мне известно, в том же Ольхайме уже несколько десятилетий интенсивно изучают эффект обнуления магии. И результаты уже есть. Маги могут противостоять более слабым и неопытным из наших особых солдат[9]. А дальше? Если они поймут то, что не понимаем даже мы?! Природу силы обнуления магии? Вы можете себе представить, что тогда произойдёт?

— Но это невозможно, ваша светлость! — граф фон Орто ударил кулаком по столу, заставив всех вздрогнуть, и опрокинув при этом свой кубок с вином. Скатерть окрасилась красным, а расторопный Вильхе тут же выхватил упавший сосуд из-под рук разошедшегося графа.

— Ни один маг не может противостоять силе нуля! Это абсурд, ваша светлость! — продолжил граф на повышенном тоне.

— Не такой уж абсурд, Себастьян, — раздался спокойный и задумчивый голос графа фон Ляйхта, — на последней войне я сталкивался с чем-то подобным. Доходило даже до того, что солдат нультов гасили. Лишили способностей на несколько суток, — граф продолжал внимательно следить за Вильхе, но руку от шпрайга убрал. Откинувшись на резную спинку стула, он продолжил таким же задумчивым голосом, — да, эти солдаты были слабы, и подобного более не повторялось, но вы, ваша светлость, правы. Такого раньше на моей памяти не было[10]... Хм. Значит, маги начинают приспособливаться к нам? В ведь именно это имели ввиду, ваша светлость?

— Да Грегори, именно этот случай. Я рад, что свидетель подобного находится среди нас.

— Но это означает лишь то, что нультов надо тренировать сильнее, только и всего, — продолжал упорствовать фон Орто, — и полностью предаваться скверне ради этого...

— Себастьян, — раздался холодный и спокойный голос Виктора фон Берге, — позвольте мне закончить. Я пытаюсь пояснить вам и всем собравшимся здесь господам, почему предлагаемое мной есть единственно правильное решение, как для нас, так и для всей нашей великой родины, — граф раздражённо, но согласно наклонил голову, уступая герцогу, а за столом тут же воцарилась тишина. Лишь лёгкий звон пустых бутылок из-под разнообразных вин, которые собирал Вильхе на отдельный столик, нарушали молчание.

— Вам известно, господа, что маги используют скверну в чистом виде, — продолжил герцог, — а наши алхимики используют подвергнутые влиянию магии ингредиенты в своих зельях и порошках. Я прав, госпожа Шварцхаар?

Марта от неожиданности вздрогнула и судорожно кивнула, подтверждая слова Виктора фон Берге.

— Те же соли, которые используются при изготовлении огненных смесей для шпрайгеров, пусть и не несут себе скверны, но и без неё их не получить. Так ведь, госпожа Шварцхаар?

Марта снова испугано кивнула и подняла глаза на гостей, сидевших за столом её гостиной. Все они пристально смотрели на неё. Кто-то хмурился, некоторые недоверчиво глядели на молодую девушку. Лишь Грегори фон Ляйх ободряюще и тепло улыбался ей, зато герцог смотрел выжидающе, словно кот на мышь, зажавшуюся в углу.

— По сути да, ваша светлость, — наконец произнесла Марта, слегка охрипшим после долго молчания, голосом, — для производства огненных солей нужны соли красные, которые содержат в себе изменения, принесённые в них частицами огненного истока... Простите, огненной скверны. Но изначально это уже чистый продукт, без энзима[11] магии. Осквернённый, но чистый. После соответствующей обработки мы получаем материал с повышенной способностью к высвобождению заключённой в нём энергии, который при смешении с...

— Спасибо, госпожа Шварцхаар, — прервал на полуслове Марту Виктор фон Берге. Госпожа алхимик попыталась произнести что-то похожее на «да, ваша светлость», но её заглушил громкий и уверенный голос герцога — как вы видите, хотим мы того, или нет, но скверна, постоянно влияет на нашу с вами жизнь. Избыть её полностью — задача невыполнимая как для нас, так и для наших потомков. Так почему бы нам не взять её под контроль? И господа, я хотел бы пояснить: моё предложение не заключается в том, что бы сделать Канзор исключительно магическим государством. Если бы меня не прервали, — молодой барон заиграл желваками, но благоразумно промолчал, — то я сообщил бы вам,

что, хочу объединить две, на первый взгляд, несовместимые вещи, — герцог выдержал паузу, наблюдая за собравшимися за столом людьми, — нашу науку и магию.

[1] Бог-отец. Бывший покровитель Канзората, древней империи канзорской расы, существовавшей до Нисхождения.

[2] Цепь из сотен Холмов, где хоронили или заключали тех существ, которых нельзя было победить окончательно. Подробнее см. роман «Книга Холмов» А. Карелина.

[3] Здесь вариант кремневого пистолета с новаторским колёсным замком. Разработан «Скорпиусами». Новая, экспериментальная и очень дорогая, на тот момент, технология. Вероятно, что у графа был единственный экземпляр такого оружия в Канзоре.

[4] Источник — место, откуда в мир проникает магическая энергия того или иного вида.

[5] Лекари, подчинённые Альферштад.

[6] Главная книга Чистоты.

[7] Изобретение Марты Шварцхаар. Представляет собой шар из обработанный специальным образом солей земли и огня. Одной «бомбой» размером с кулак можно было подогреть небольших размеров купальную кадку с водой. В дальнейшем к бомбам стали добавлять ароматические масла и настои трав.

[8] Гуманоиды, произошедшие от людей, подвергшихся трансформе во время Нисхождения и получивших генетический материал млекопитающих. Иначе зверолюди, фурри.

[9] Обычный солдат со слабой способностью нулята. Как правило, он проходит только начальное обучение, которое позволяет ослаблять слабую магию.

[10] Эффект, о котором упоминал граф, носил единичный случай. Эксперимент по гашению группы солдат-нультов вызвал серьёзнейший откат, который уничтожил не только группу магов экспериментаторов, но вызвал и неконтролируемый прорыв реальности в несколько граней одновременно. Дальнейшие изучения эффекта гашения магии носили чисто теоритический и физиологический характеры.

[11] Энизим — единица измерения магии.

Вильхе закашлялся. Тяжело дыша, он посмотрел на непроницаемое лицо фон Клюге.

— Ваша светлость, я...

— У нас мало времени, Шнидке. В любой момент сюда могут заявиться словесники[1] и забрать тебя.

— Для чего, ваша светлость? Я же почти нуль — лицо Вильхе исказило неподдельное удивление пополам с недоверием. Он перевёл взгляд с герцога на Ганса, но тот смотрел только в пергамент и, казалось, не обращал на Шнидке никакого внимания.

— Потом, всё потом. Рассказывай дальше — поторопил его Иахим.

— Ваша светлость, мне... мне надо от...даах....

— Нет времени, Шнидке! А, проклятье! Ганс! Приведи его чувство! Дай ему воды. Вот так. Шнидке! Ты меня слышишь? Хорошо... Ммм. Я буду читать протокол, составленный со слов фон Ляйхта, а ты, если сможешь, дополняй его. Готов?

— Д...да, ваша светлость.

Грегори фон Ляйхт снова поглаживал резную рукоять своего шпайга, наблюдая за стоящим в тени Вильхе. Изредка он позволял себе кинуть быстрый взгляд на соседей, но всё равно его глаза неустанно следили за слугой. Шнидке слыл верным сторожевым псом семьи фон Берге и был, пожалуй, самым опасным человеком, после герцога, в этой гостиной. Граф кожей ощущал угрозу, исходящую, как от него, так и от Виктора, сидевшего рядом с его милой Мартой.

Недавняя выходка герцога с бароном доказывала, что его светлость находится в весьма затруднительном положении. Иначе он бы просто не стал использовать столь радикальные меры по успокоению разошедшегося Руана, втоптав его прилюдно в грязь.

О том, что молодой барон падок на зверолодок, не знал только ленивый, но то, что он имел в своём распоряжении небольшой гарем этих пушистых развратниц, было известно лишь избранным. И до сегодняшнего дня Грегори считал, что фон Берге ничего об этом не знает. А сейчас его светлость так легко расстаётся с этим секретом, публично привязывая барона к себе на жёсткий и короткий поводок. И эта фраза о том, что «каждый имеет постоянные сношения с тем, что мы называем скверной». Что же у него есть на всех остальных? И что это за безумство — объединить магию и канзорскую науку? Чем это сможет помочь тому же магистру Шляйхе? Ведь даже сейчас его чароманты не могут угнаться за качеством Скорпиусов? Или всё же есть способ?

Взгляд графа на мгновение оторвался от Вильхе Шнидке и обратился к герцогу. Тот сидел во главе стола, возвышаясь над всеми. Руки его светлости лежали на столе, и правая ладонь накрывала левую. Серые глаза Виктора фон Берге цепко наблюдали за гостями.

Грегори едва заметно покачал головой. Марта, моя бедная Марта. Первая женщина профессор Альферштад, знаменитая на весь Канзор своими лечебными мазями, настойками, косметикой, изобретательница «соляных бомб» и прочее. О чём ты только думала? Такая политика слишком опасна для столь красивых и молодых девушек. Тебя используют, выжмут всё, что только можно и выкинут на обочину. Зачем же ты влезла во всё это? Ты и так была знаменита. Твои лекарства, пусть и стоили дорого, но вытаскивали с того света не хуже тех же крапив[2] и были чисты от скверны...

Граф замер. И перевёл взгляд на притихшую Марту. Госпожа алхимик сидела рядом с герцогом, потупив взор и теребя несчастный платочек. Выглядела она не лучшим образом — кожа посерела, лицо, знакомое ему до мельчайшей чёрточки, исказило от страха, руки дрожали, а губы безостановочно шептали что-то неслышимое ни для его светлости, ни для Вильхе, застывшего за спиной своего хозяина. На мгновение графу даже показалось, что перед ним сидит не молодая девушка, а старая, потасканная жизнью женщина. Да нет, это просто свет от свечей упал не так! Но всё же, почему она так испугана? Неужели?!

Руки в серых перчатках медленно проплыли мимо глаз графа, заслоняя собой Марту. Грегори чертыхнулся, хватаясь за штрайг. Проклятый Вильхе! Воспользовался его секундным замешательством и подобрался к нему как всегда незаметно.

Слуга герцога быстро собрал все столовые приборы, оставив перед графом только полный бокал с вином. Граф пригубил лёгкий «Гранат». За столом повисла вязкая и опасная тишина. Никто не хотел в открытую заявить герцогу о том, что его идея безумна. Даже граф фон Орто молчал, выжидая, что хоть кто-то начнёт первым. Но желающих не находилось. Что же Грегори, тебе не впервой возглавлять и безумную атаку, и лезть прямо в пекло. Тем более, что Марту надо вытаскивать из всего того, что задумал этот фон Берге. Непонятно как, но надо. Эта алхимичка прочно засела у него в груди, и даже самые дорогие бордельные девки не могли сравниться с её пылом и страстью. А то чувство покоя, которое она дарила всякий раз, когда они оставались наедине, стоило, по мнению графа, очень дорого. Так что Марту надо вытаскивать. Даже если она и... маг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ваша светлость, — начал граф фон Ляйхт, разрывая тягостное молчание, — вы ведь можете представить нам доказательства возможности того... эээ, симбиоза, что вы озвучили? Ведь мы не зря собрались именно здесь, в этом гостеприимном доме? Я прав?

— Да, граф, — Виктор фон Берге довольно усмехнулся глядя на Грегори фон Ляйхта, — вы абсолютно правы. Я рад, что не ошибся в вас. И доказательства будут представлены вам, а так же и вам господа, после необходимых пояснений. Итак... Господа, прошу вас, — герцог поднял левую руку над столом, призывая к тишине разом заговоривших людей, — Несколько минут, и ваше терпение будет вознаграждено!

В гостиной воцарилась тишина, а все взгляды были снова прикованы к герцогу. И в глазах слушателей на этот раз недоверие сменялось осторожным любопытством. Неужели подобное действительно возможно?

— Господа, — начал герцог, — вот уже несколько десятилетий в Альферштад существуют группы учёных, наделённых определённым талантом в работе со скверной. Необученные маги, умеющие контролировать свой внутренний Исток, а так же способные на весьма посредственное, даже по нашим меркам, колдовство.

— Да как такое возможно! — возмущённо воскликнул граф фон Орто, — скверна прямо в сердце нашего могущества, в Альферштад! Герцог, вы понимаете, что это означает?! Предатели, готовые переметнуться к магам при первой возможности, вот кто они! А Орднунг? Как же они просмотрели такое?!

— Себастьян, — голос герцога снова, словно ударом кнута, прервал говорившего, — я провёл несколько частных встреч с этими господами, и ручаюсь, что больших патриотов нашей родины сложно встретить даже в Орднунге. У многих из них скверна прорывалась уже во время студенчества, и они пытались избавиться от неё всеми возможными способами, даже добровольной десеквенцией. Но некоторые из них начинали использовать

магию в своих работах. И они достигали потрясающих результатов. Вы слышали о пулях мастера Густава Шрейхнера, граф?

— Конечно! Удивительно точные и убойные бестии, ваша светлость. При стрельбе из шпрайгеров новых моделей ими просто невозможно промахнуться. Но неужели вы хотите сказать, что старик Густав маг?

— Нет, но его сын обладает склонностью к Аурису[3]. Скажите, сколько носителей скверны было убито изделиями этого, с позволения сказать, «предателя, готового переметнуться к магам при первой возможности»?

— Это ничего не доказывает, ваша светлость. Сегодня он полирует, простите, свои шарики, а завтра метается ими в нас!

— Напрасно вы так считаете. Мальчик старается, как может на благо своей родины. К тому же Себастьян, он теперь находится под моей защитой. Но продолжим. Герман Хрунд, как давно вы пользуетесь услугами этого гюндерса?

— Проклятье, Виктор, вы хотите свести меня в могилу?! Ноги его больше на пороге моего дома не будет!

— Себастьян, — обычно холодный тон его светлости потеплел, — он никогда не использует магию при лечении. Скверна применяется только при изготовлении снадобий. Да и после соответствующей обработки они становятся абсолютно чистыми, не теряя при этом всех полезных свойств.

Граф в ответ лишь презрительно хмыкнул. Демонстративно откинувшись на спинку стула, он с вызовом посмотрел на герцога.

— Что же, — голос Виктора фон Берге снова приобрёл привычные нотки превосходства, — вам, ваше сиятельство, конечно виднее. Если услуги необученного витаманта для вас предпочтительнее помощи высококвалифицированного выпускника университета Ляйхта[4], о чём тут ещё можно говорить.

— Да, Виктор, — Себастьян фон Орто, похоже, был совсем не удивлен осведомлённостью его светлости, — вы достойный соперник для своего кузена[5]. Хорошо. Вы убедили меня в том, что вас следует внимательно выслушать, а к доводам прислушаться.

— Замечательно, — герцог, желчно усмехнувшись, продолжил прерванную речь, — практические результаты исследования этих учёных весьма интересны. Те же упомянутые мной пули, или же лекарственные зелья, исцеляющие гораздо быстрее и надёжнее тех же витомантов. Кстати, магистр, как вам та сталь, которую вы приобрели вчера?

— Просто песня, ваша светлость, — Генрих Шляйхе расплылся в улыбке, будто вспоминая нечто приятное, — работать с ней одно удовольствие. Угля, конечно, много требуется, но качество, оно да, того стоит. Но, ваша светлость, неужели она тоже, того? Со скверной?

— Нет, ни энзима, как говорит наша замечательная хозяйка, — и герцог подчёркнуто вежливо поклонился Марте.

— Спасибо, ваша светлость, — невпопад и еле слышно ответила Марта.

— Это лишь начало, господа. Скромное, но многообещающее.

— Слишком скромное, вы не находите, ваша светлость — скрип голоса графа фон Штейра было сложно с кем-то перепутать, — Пульки, сталь и зелья. И вы считаете, что всё это нам как-то поможет?

— А вы считаете иначе? К тому же это далеко не всё, что могут предложить нам господа учёные с, так скажем, особенными способностями. Им нужна наша помощь. И я

полагаю, что при должной финансовой и политической поддержке мы сможем оставить далеко позади как выскочек из Скорпиусов, так и прочих конкурентов. Ну же, господа. Вы все не первый год имеете дело с магией, а теперь я предлагаю вам просто легализовать ваше нынешнее положение. К обоюдной выгоде, как нас, так и нашей великой родины.

За столом снова начались переговоры, постепенно переходящие в перепалку. Кому-то идея герцога фон Берге пришлась по вкусу, кому-то нет. Лишь Грегори фон Ляйхт да барон Галийский сидели молча, не вмешиваясь в усиливающие споры. Граф по-прежнему не спускал глаз с Вильхе, изредка кидая обеспокоенный взгляд на сидевшую рядом с герцогом Марту.

— Господа, прошу вас, — голос Себастьяна фон Орто перекрыл нарастающий гвалт, грозящий перейти в полноценный базарный спор.

— Ваша светлость, вы обещали нам демонстрацию возможностей слияния нашей науки и скверны, — продолжил макркраф, когда все гости госпожи Шварцхаар успокоились, — и я надеюсь, что это будет нечто весьма впечатляющее.

— Конечно, — герцог самодовольно усмехнулся, — но для начала, позвольте представить вам человека, стараниями которого мы в настоящий момент, если позволите так сказать, меняем историю. Госпожа Шварцхаар, прошу вас!

Герцог встал со стула и, повернувшись к Марте, вежливо и учтиво, как следовало обращаться только к благородным дамам, поклонился, подав ей руку. Госпожа алхимик, робко положив свою узенькую ладошку на пальцы его светлости, встала. По гостиной пролетел шелест голосов, в котором легко угадывалось «Я всегда знал! Вот так раз, не думал. Так она тоже? Не зря слухи ходили».

— Господа! — голос герцога перебил говоривших — прошу, госпожа Марта Шварцхаар, действительный профессор Альфершгад, практикующий гюндерс, изобретатель, первооткрыватель ряда новых законов в лечебной алхимии. Витомант. Она была инициатором нашей сегодняшней встречи, и именно госпожа Шварцхаар выступала связующим звеном между мной и господами учёными с особыми возможностями. Вам слово, Марта. Расскажите нам о вашем новом изобретении.

— Господа, — голос Марты немного дрожал, руки упёрлись в столешницу, но выглядела она не в пример лучше, чем несколько минут назад. Лицо её снова налилось живым румянцем, глаза блестели, и выглядела она скорее нетерпеливо-возбуждённой, чем испуганной.

— Я благодарна всем за то, что вы приняли моё приглашение. И в особенности я признательна его светлости, — герцог, улыбнувшись, слегка наклонил голову в ответ, — за неоценимую возможность участвовать в деле, столь близком и важном для меня. Но не буду более томить вас. Для совершения демонстрации нам необходимо спуститься в мою лабораторию. Прошу вас, господа, ваша светлость, следуйте за мной.

Пока Марта говорила, Грегори фон Ляйхт не сводил с неё глаз. Что-то неуловимо изменилось в ней. Куда подевалась та дрожащая от страха и робости девушка, сидевшая рядом с герцогом буквально минут назад? Сейчас перед ними стояла уверенная, знающая себе цену женщина. Без следа исчезла та скромница, к которой он привык за несколько месяцев общения. Казалось, он только сейчас увидел истинное лицо профессора Шварцхаар, как порой игриво называл он в её любовных играх. «Так вот ты какая, Марта» — усмехался про себя граф, подымаясь вместе с остальными гостями.

Его светлость шёл следом за госпожой алхимиком, возглавляя процессию заговорщиков.

Рядом незаметной тенью скользил верный Вильхе.

Графы, барон, магистр и просто именитые горожане Солстара переговаривались, пока шли вслед за Мартой. Граф замыкал процессию, и от чего-то ему становилось не очень хорошо. Откуда-то навалилась усталость, в глазах заплясали знакомые звёздочки, голова закружилась и Грегори едва не упал. Но он вовремя схватился за створку двери и остановился, пошатываясь. Голоса долетали как будто из далека, гостиную внезапно зашатало, а воздух приобрёл вкус железа и жжёной кожи.

Борясь с тошнотой, Грегори, выронив штрайг, потянулся к карману своего камзола. Нашупав пуговицу, он попытался расстегнуть его. Бесполезно. Пальцы, внезапно ставшие слабыми и непослушными, не могли просунуть серебряный кругляшек в отверстие из жёсткой ткани. Оторвать! Нет. Не получается. Проклятье! Почему приступ начался раньше?! Он ведь принял лекарство вовремя, как и говорила Марта, и должен был спокойно дотянуть до утра. Скверна меня побери, как же противно быть беспомощным!

Всё ещё тщась расстегнуть или оторвать пуговицу, граф попытался позвать на помощь. Но сил не хватало даже на то, что бы открыть рот. Мысли уплывали. Грегори уже не понимал где он, что он пытается сделать.

Внезапно граф почувствовал знакомый горьковатый вкус на языке. Не веря, он глотнул знакомую противно сладкую жидкость, которая вмиг разогнала вялость и слабость. Несколько мгновений и Грегори фон Ляйхт пришёл в себя. Оказывается он стоял на коленях, всё ещё держась рукой за створку. Голоса Марты и её гостей стихали вдали, а над ним застыл Вильхе. Левой рукой он поддерживал голову графа, а в правой руке тускло поблёскивал знакомый флакончик с мутно-красноватой жидкостью.

— Спасибо, Вильхе! — Грегори забрал у слуги герцога скляницу с остатками лекарства и одним залпом осушил её. Моментально почувствовав себя лучше, граф поднялся на ноги.

— Штрайг, ваше сиятельство, — Вильхе держал оружие стволом к себе, протягивая графу полированную рукоять огнестрела. Грегори кивнул, принимая оружие из рук того, кому он недавно угрожал.

— Прошу вас, следуйте за мной, — и Вильхе, поклонившись, быстрым шагом пересёк зал, исчезая за очередной дверью.

[1] Чин в Орднуге

[2] Так назывались нелегальные лечебные магические зелья, продаваемые на чёрном рынке Канзорской армии.

[3] Магическая стихия воздуха

[4] Медицинский университет. Был основан одним из предков графа фон Ляйхта для обучения военных медиков. Частное учебное заведение, независимое от Альферштад.

[5] Имеется ввиду герцог фон Клюге, глава гехаймтадтполицай.

Глава 5

— Я должен был догадаться ещё тогда, ваша светлость, — с бессильной злобой проговорил Вильхе, — Почувствовал что-то и вернулся посмотреть. А там его сиятельство со стеклянными глазами и за дверь едва держится.

— Считаешь, что это была она?

— Да, ваша светлость, больше некому.

— Хорошо. Что ты почувствовал?

Лицо Вильхе на секунду исказила гримаса отвращения.

— Гниль, ваша светлость. Разложение и холод. Как будто зимой в яму с трупами заглянул. Но это было так быстро, что я тогда ничего не понял. Да и времени понимать, особо не было. Но я должен был, должен! Меня же учили распознавать скверну, а я... Это всё я виноват, подвёл Виктора... — и слуга фон Берге затрясся в беззвучном плаче.

— Шнидке! — громкий и уверенный голос Иахима прервал причитания Вильхе, — я продолжу читать. А ты должен подтвердить, что написанное здесь — правда. Граф был очень плох, когда его допрашивали. И я не уверен, что именно так всё и происходило.

— Это было ужасно, ваша светлость, — как будто не слыша герцога, проговорил Вильхе, — я никогда этого не забуду.

— Продолжай, — фон Клюге навис над слугой, словно коршун над добычей, — я хочу знать всё.

— Мы с его сиятельством спустились в лабораторию последними...

Лаборатория госпожи Шварцхаар располагалась в подземном этаже особнячка и занимала небольшую комнату без окон с низким потолком. Герцогу фон Берге, самому высокому среди гостей, пришлось слегка пригнуться, чтобы не стукнуться макушкой о поперечную балку. Опасливо оглядываясь, заговорщики столпились за спинами его светлости и графа фон Орто. Никто и не заметил, что граф фон Лайхе и Вильхе догнали их только у входа в подземелье.

Грегори, ни разу не бывавший здесь, с интересом огляделся.

Вдоль каменных стен разместились шкафы и полки, заставленные склянками, колбами, мисочками с разноцветными порошками и прочим алхимическим скарбом. Огромный стол, занимавший чуть ли не половину всей лаборатории, был полностью заставлен металлическими трубками, стеклянными кубами, пузатыми сосудами и плоскими, в которых едва тлели огненные камни. Отдельно на нём лежали какие-то бумаги и раскрытая книга на чёрном бархате. Круглый очаг с вытяжкой, стоявший по центру лаборатории был уставлен разнообразной посудой. На специальных выемках стояли многочисленные плоски и миски. В некоторых из них медленно побулькивало малоаппетитное варево гнилостно-зеленоватого цвета, в каких-то медленно тлели сухие пучки трав, иные стояли пустыми.

Небольшая комнатка, в которой размещался алхимическая лаборатория, едва вмещала в себя всех приглашённых на ужин. Они толпились у лестницы, словно боясь перешагнуть какую-то черту. Именитые гости с интересом и опаской рассматривали многочисленные экспонаты алхимической лаборатории. Многие благоразумно старались держаться от них как можно дальше, но нашлись и те, кого не останавливали и две зелёные кости[1] на

склянках.

— Прошу вас господин Ляйхоффе, не трогайте эту склянку. Поверьте, вы ни за какие сокровища мира не захотите познакомиться с её содержимым, — госпожа Шварцхаар осторожно взяла из рук застывшего торговца тканями небольшую пузатую колбу с ярко-красной жидкостью, и поставила её на самый дальний угол каменной полки.

— Господа, — лекторский тон колдуньи оторвал герцога фон Берге от созерцания части шипунца[2], утопленного в растворе болотного цвета, — прошу вас обратить внимание на данный экземпляр. Именно он и является предметом сегодняшней демонстрации.

Тусклый свет нескольких свечей, которые она зажгла одним мановением руки, выхватил из темноты небольшой пузырёк из прочного закалённого стекла. Марта держала его в руках, словно величайшую ценность, и герцог, читавший описание, что вчера прислала ему колдунья, был полностью солидарен с подобной осторожностью. Жидкость цвета весенней травы немного лучилась, и свет, преломляясь в гранях сосуда, окутывал руки госпожи Шварцхаар потусторонним зеленоватым светом.

— Что это? — магистр Шляйхе нервно облизнул толстые губы. Его руки нервно мяли отвороты дорого чёрного камзола, а глаза, казалось, сейчас выпрыгнут из орбит, пытаясь в подробностях рассмотреть сосуд с таинственной жидкостью. Гости зашумели. Почти каждый посчитал своим долгом задать почти один и тот же вопрос: «Что это? Что оно делает?».

— Господа! — громкий голос Марты заглушил нестройный хор её гостей, — это зелье полного излечения кратковременного действия с очень низким магическим фоном. Согласно классификации, принятой Альферштад, не более трёх десятых от стандартной единицы энзим. При его изготовлении мной были применены как мои собственные магические знания, так и последние научные достижения канзорской алхимии. Без их слияния было бы невозможно нивелировать некоторые побочные эффекты, а так же снизить содержание скверны до означенного минимума. Так же, используя выпарки из солей Истоков Виталиса, я добилась усиления скорости впитывания его в слизистые оболочки тела и ускорения перестройки регенеративных функций организма... да ваша светлость?

— Госпожа Шварцхаар, — срывающийся голос герцога выдавал то нетерпение, которое овладевало сейчас почти всеми присутствующими — мы сейчас не заседания в Альферштад. Прошу вас, ближе к сути.

— Как вам будет угодно, ваша светлость, — колдунья обворожительно улыбнулась и легко поклонилась возбуждённым зрителям. Обворожительно улыбнувшись, госпожа Шварцхаар продолжила так, как будто её и не прерывали.

— Господа, ваша светлость, для дальнейшей демонстрации мне потребуется ваш слуга.

Вильхе Шнидке, о присутствии которого все уже забыли, повинувшись лёгкому кивку герцога, вышел вперёд. Не оглядываясь, он прошёл три разделявших его с Мартой шага и остановился рядом с колдуньей, ожидая дальнейших распоряжений. Его лицо не выражало никаких эмоций, и в неровном свете свечей оно походило на застывшую восковую маску.

Марта, улыбнувшись ему, протянула пузырёк с зелёной жидкостью. Вильхе безропотно принял его и откупорил пробку. Принюхался.

— Всего один глоток, Вильхе. Не бойся. С тобой всё будет в порядке. Лишь слушай то, что я тебе говорю, — последняя фраза Марты прозвучала очень странно. словно краткое эхо вторило ей, искажая слова слегка гнусавым и тихим голосом.

Вильхе вздрогнул, взглянул на улыбающуюся только ему Марту, а потом послушно

приник к флакончику. Один короткий глоток, и он вернул ополовиненную склянку в протянутые руки колдуньи.

— Ну, и что мы должны увидеть? — алчно и нетерпеливо проговорил магистр Шляйхе. Но не успел он закончить свою фразу, как Вильхе внезапно скрутило. Он упал на каменный пол и принялся орать и биться так, как будто бы у него была падучая болезнь.

— Что с ним?!

— Что происходит?!

Взволнованные, испуганные и рассерженные голоса зрителей наполнили маленькую лабораторию, смешавшись с голосом воющего Вильхе. Марта одним движением подняла книгу, лежащую на столе. Она перелистнула несколько страниц, пока не нашла нужную. Протянув руку над бьющимся в припадке слугой, колдунья выкрикнула несколько непонятных слов. Шнидке замер, и на его лице застыло неподдельное изумление.

— Что это было, Марта?!

— Объяснитесь, госпожа Шарцхаар! Так-то это зелье работает без магии?!

— Надувательство! Ваша светлость, как же так?! — вопросы вперемешку с обвинениями неслись в сторону колдуньи. А та спокойно закрыв книгу, заботливо укладывала её обратно на бархатную подстилку.

— Госпожа Шварцхаар, прошу вас, поясните — голос герцога был спокоен, но глаза опасно сузились.

— Всё просто, ваша светлость, — с обезоруживающей улыбкой обратилась она к фон Берге, — зелье не было готово до конца, и вы присутствовали при его последней доводке. Благодаря Вильхе я теперь точно знаю, где и в чём ошиблась при его разработке. Но всё это не будет иметь никакого значения, после того как вы увидите его в действии, — она снова ласково посмотрела на Шнидке.

— Милый, — обратилась она к слуге, — как ты себя чувствуешь? — в её голосе было столько неподдельной заботы и участия, что Вильхе, казалось, впервые за вечер проявил настоящие эмоции. На его лице застыло чистое и неподдельное счастье.

— Я чувствую себя прекрасно, госпожа — ответил слуга герцога, зачаровано глядя на черноволосую колдунью.

— Очень хорошо, Вильхе. А теперь покажи мне, пожалуйста, свои руки, — попросила колдунья. Послушно кивнув, слуга в один момент стянул со своих рук серые перчатки.

— Обратите внимания, господа — обратилась госпожа Шварцхаар уже к гостям, — с детства Шнидке страдает осыпью, которая оставила следы на его руках. Вы помните, какие они были? Все словно в чешуе. А теперь, посмотрите на эту гладкую кожу!

Гости заинтересовано стали подвигаться к слуге герцога, но ту Марта широко взмахнула рукой, в которой на мгновение ярко сверкнуло металлическое лезвие, и кисти бедного Шнидке рухнули к ногам остолбеневших зрителей.

Вильхе завопил, словно свинья на скотобойне. Из обрубков его рук полилась кровь. Герцог и гости поражённо замерли.

— Обратите внимание на скорость регенерации тканей кожи, мышц, костей и сухожилий, господа — донеслось до слуха потрясённого графа фон Ляйхта. И точно, из обрубков рук слуги уже выростали новые конечности. Вот ещё только маленькая ладонь, как у младенца, она вдруг набухла, словно её в один момент накачали водой, раздалась вширь. Секунда и Вильхе уже на орёт, как резанный, а с удивлением смотрит на свои окровавленные руки, и словно бы не может понять, что произошло. А может и

действительно не понимает.

Сзади раздались возбуждённые шепотки, кто-то толкнул Грегори в спину, но граф оставил это без внимания. Он смотрел то на герцога, то на Марту. Его светлость внимательно, изучал кисти своего слуги, а белоснежное платье колдуньи было безнадежно испорчено кровавыми каплями. Отчего-то Грегори не мог поднять глаза и посмотреть ей в лицо.

— Ваша светлость, демонстрация не окончена, — раздался мелодичный голос Марты.

Подчиняясь герцогу Вильхе, на негнущихся ногах, пошёл обратно к ждущей его колдунье.

— А теперь перейдём к более серьёзному испытанию, — от голоса госпожи Шварцхаар, в подземелье, кажется, похолодало сильнее, чем в самый сильный мороз на улице.

Изящно, словно танцуя, Марта ногой отшвырнула отрезанные кисти, и они сгнули во мраке неосвещённой части лаборатории. Очередной широкий взмах и она отсекала Вильхе обе ноги по колено.

Кровь брызнула во все стороны, а от звериного крика Шнидке, казалось, можно было оглохнуть. Бедняга упал лицом вперёд, инстинктивно выставив вперёд руки с вновь отращёнными кистями. Кровь из обрубков ног залила пол, и гости колдуньи, с изумлением и отвращением наблюдавшие за демонстрацией, отпрянули от распознающейся красной лужи.

Белоснежное и воздушное платье госпожи Шварцхаар почти сразу же стало багровым и тяжёлым. Её руки, открытые по самые плечи и красивое, правильное лицо канзефройн [3] были забрызганы кровью извивающегося и орущего Вильхе. Она с удовлетворённой ухмылкой наблюдала за тем, как у слуги герцога начали отрастать ноги. Не обращая внимания на то, что подол её платья, похожего теперь больше на наряд ведьм из детских сказок, тяжело волочится по растёкшейся тёмно-красной луже, Марта подошла к Шнидке вплотную. На глазах изумлённых гостей она попыталась откинуть в стороны руки слуги герцога, которыми он почему-то силился разодрать себе вновь отращиваемую плоть.

— Граф, — Марта взглянула на Грегори фон Ляйхта, и тот поразился холодному безразличию в её глазах, — мне нужна ваша помощь. Он слишком силён для меня.

Спокойствие, с которым Марта произнесла эти слова, поразительно контрастировало с тем, что творилось сейчас в лаборатории колдуньи. Грегори не раздумывая кинулся вперёд. Разбрызгивая кровь, граф прижал Вильхе к полу, не давая тому достать до своих, растущих прямо на глазах, ног. Слуга кричал и бился, пытаясь сбросить его сиятельство с себя, а из кровоточащих обрубков вытягивались уже вполне сформировавшиеся конечности с белоснежной, как снег, кожей.

— Обратите внимание, господа, — голос госпожи Шварцхаар, звучавший по-академически сухо, наполнил маленькую лабораторию, удивительным образом перекрывая собой вопли слуги герцога, — так как на восстановление организм тратит собственные ресурсы, то в этот раз рост конечностей происходит значительно медленнее, чем в прошлый. Смотрите, как похудел подопытный. Но это поправимо. Несколько дней отдыха, раствор кровянки[4] и нормальное питание поставят его на...хм... ноги.

И действительно, Вильхе как будто усох. Лицо его, прежде круглое, вытянулось, скулы ясно выступили вперёд, и бился он уже не так сильно. Грегори отдуваясь и вытирая одной рукой окровавленный лоб, придержал слугу другой. Выглядел граф не хуже, чем какой-нибудь упырь из могилы. Весь в крови, волосы слиплись от пота и свисали неряшливыми палами. Дорогой камзол был безвозвратно испорчен, а рукав отодран наполовину. Грегори

часто дышал, пытаясь успокоить разошедшееся сердце. Короткая и неожиданная схватка, учитывая недавний приступ, далась ему очень тяжело. Но всё-таки граф нашёл в себе силы поднялся на ноги, и склонился над тихо скулившем Шнидке.

— Вильхе, — позвал граф.

— Да, ваше сиятельство, — прозвучал в ответ слабый голос.

— Встать сможешь? — Грегори протянул Вильхе руку, и тот, ухватившись за неё, поднялся на обе выросшие заново ноги. Слуга герцога поглядел вниз и на его лице отразились недавняя боль и ужас. Из хирургически аккуратных обрезков его штанин выглядывали две белые, но измазанные в крови ноги.

Потрясённые гости госпожи Шварцхаар стояли в стороне, не в силах проронить ни слова. У многих на лицах читался ужас и отвращение. Виктор фон Берге задумчиво рассматривал своего слугу так, словно впервые увидел его. Лицо герцога, в противоположность всем остальным, выражало неподдельный интерес к происходящему.

— Ваша светлость, могу ли я продолжить демонстрацию? — вновь голос Марты сопровождало странное гнусавое эхо. Грегори и Вильхе одновременно повернулись к говорившей колдунье. Госпожа Шварцхаар стояла в одном шаге от них. Выглядела она жутко: волосы растрёпаны, вся в крови, платье больше напоминает широкий фартук мясника, чем то лёгкое и белоснежное одеяние, каким оно было совсем недавно. Как раз сейчас колдунья держала на руках отрубленные конечности Вильхе. «Как дрова из поленницы» — подумалось почему-то Грегори. Граф почувствовал, как его начинает подташнивать. Из отрубленных ног прямо на платье и под ноги Марты текли тонкие струйки крови.

— Что же, — холодный голос герцога оторвал Грегори от созерцания бывших ног Вильхе. Глаза графа, как и всех присутствующих в лаборатории устремились на Виктора фон Берге, — вы не обманули меня, госпожа Шварцхаар. Весьма впечатляющая демонстрация. И результаты недурственны. Но Вильхе уже на пределе, а я не хотел бы лишаться такого способного помощника.

— Вильхе? — Марта вопросительно посмотрела на слугу герцога, и тот судорожно кивнул, соглашаясь. Улыбнувшись, колдунья отбросила отрубленные ноги в ту же сторону, куда недавно отправились и кисти. Два мягких шлепка, раздавшихся после этого, вывели Грегори из оцепенения.

— Ваша светлость, — граф фон Ляйт бросился к герцогу, — это же самая настоящая пытка! Остановите его, прошу вас! Он же не понимает, что делает. Взгляните на него!

— Граф, — голос герцога был жёсток и непререкаем, — если Вильхе считает, что сможет всё это выдержать, то я не против, чтобы он попробовал ещё раз. Это его выбор, и я его уважаю. И... не разочаровывайте меня, Грегори. У меня на ваш счёт большие планы. Давайте Марта, удивите нас снова!

— Как пожелаете, ваша светлость — госпожа Шварцхаар обаятельно улыбнулась, присев в книксен, а потом молниеносным движением нанесла удар открытой ладонью в спину стоявшего перед ней Вильхе.

Раздался противный хруст, такой, словно ломали толстую сухую ветку. Вильхе на секунду замер с перекошенным от боли лицом, а потом медленно и беззвучно осел прямо в руки кинувшегося к нему графа фон Ляйхта.

— Я сломала ему позвоночник, ваша светлость, — сухой и академический голос госпожи Шварцхаар звучал в абсолютной, мертвой тишине, — более того, я пробила

кишечник, и сейчас его содержимое отравляет всё вокруг себя. Добавьте к этому обильное внутреннее кровотечение, а так же отбитые печень, селезёнку, почки и шок от полученного удара. Травма не совместимая с жизнью. Тут возможно не справятся даже академические маги и природные витаминты. Но зелье справится. Смотрите, смотрите же!

Вильхе слабо пошевелился. Он лежал на руках Грегори фон Ляйхта словно безвольная кукла, почти не подавая признаков жизни. Истощённое лицо всегда бесстрастного и безропотного исполнителя воли герцога исказила ужасная гримаса боли и отчаянья. Графу показалось, что Вильхе пытается повернуть свою голову, что бы найти глазами Виктора фон Берге. Но не герцога хотел увидеть слуга.

Слабый стон боли, сорвавшийся с его губ, услышал сначала лишь граф, но в следующее мгновение Вильхе застонал отчётливее, и его услышали все.

— Положите его на пол, граф — раздался голос госпожи Шварцхаар. Не смея послушаться, Грегори осторожно положил слугу герцога прямо на густеющую кровь. Намеренно или случайно, но Марта стала прямо напротив них, и глаза Шнидке встретились с взглядом Марты.

Губы Вильхе тронула слабая улыбка, и он попытался поднять руку, тянясь к колдунье. Марта улыбнулась ему, и попробовала оттереть пот со лба. Но вместо этого ещё сильнее размазала кровь, у себя на лице.

— Ваша светлость, могу ли я попросить у вас платок? — спросила Марта, не отрывая взгляда от Вильхе, который начинал шевелиться всё сильнее, — свой я, к сожалению, забыла в гостинной.

— Кончено, госпожа Шварцхаар, — герцог, повернулся к бледному Руану Галийскому, стоявшему к нему ближе всех, — барон, прошу вас, помогите ффрау Марте.

Руан медленно, словно во сне сделал несколько шагов к колдунье. Барону явно было не по себе, и на его лице легко можно было прочесть, что он с удовольствием окажется где угодно, только бы подальше от этой лаборатории, и её хозяйки. Немного помедлив, он протянул Марте свой шейный платок, который госпожа Шварцхаар приняла с лёгким насмешливым поклоном.

— Фух, — вытерев лицо, Марта наклонилась к Вильхе и стала заботливо оттирать ему кровь с лица.

— Как видите, господа, — продолжила она строгим лекторским голосом, который совсем не сочетался с добрым и нежным взглядом, с которым она смотрела на Вильхе, — зелье действительно помогает при излечении серьёзных повреждений и ран... да, мой хороший, я здесь, все в порядке... даже таких, как разрушение позвоночного столба и, соответственно, спинного мозга. Восстановление происходит за счёт внутренних резервов организма, сопровождаясь временным упадком сил. Но этот побочный эффект легко нивелируется соответствующими лекарственными препаратами... да, милый, я с тобой. Не двигайся, полежи ещё немного... такими как раствор кровянки, настойками из солей Виталиса и прочими. Обратите внимание на то, что подопытный уже не испытывает острых болей и может вполне осознано перемещаться в пространстве. Это означает, что функции центральной нервной системы практически восстановлены. Так же восстановлен кишечник, а его содержимое безопасно растворено и выводится через поры кожи. Обратите внимание на то, как обильно потеет подопытный. Это свидетельствует о том, что регенерация его организма походит нормально.

— Сколько стоит производство этого зелья? — раздался нетерпеливый голос герцога.

— Одна порция, равная двум глоткам, стоит около двух сол[5], - ответила Марта, качая у себя на руках бледного Вильхе, — правда я не учла стоимость магических работ и...

— Сколько времени занимает производство? — перебил её взволнованный голос его светлости. Госпожа Шварцхаар подняв голову от тихонько поскуливающего Вильхе, холодно и как-то насмешливо взглянула на герцога.

— Три недели, ваша светлость. Объём конечного продукта не имеет значения. И на флакон и на бочку потребуется ровно три недели.

— Ваша светлость, — сиплый голос Генриха Шляхе, магистра цеха оружейников «Три пера», дрожал толи от мерзости всего увиденного, то ли жадности и возбуждения, — ваша светлость! Это же просто золотое дно. Два сола! А мы сможем толкать всё это за сто, тысячу, да вообще за сколько захотим! А сыновьям своим я сразу партию закуплю. Они ж на самом острие, им ж это средство первым нужно!

— И кости, значит, срастить может? — глухой и скрипучий голос Ганса фон Штейра заглушил восторженные причитания Шляйхе.

— Да, ваше сиятельство, — Марта ласково улыбнулась спрашивающему её графу, — и очистить от магии, которая съедает ваше тело изнутри. Но изначальный состав зелья придётся дополнить парой компонентов, что незначительно увеличит его стоимость, но позволить лечить различные магические повреждения.

Граф фон Штейр довольно ухнул, совсем как старый филин. И тут, словно плотину прорвало. Со всех сторон на Марту посыпались вопросы, на которые она не успевала отвечать. Что ещё может это зелье? Как скоро можно наладить его производство? Какая помощь требуется госпоже алхимику? Можно ли получить флакончик сейчас, вне очереди и так далее, и тому подобное.

Голова Вильхе покоилась у неё на коленях, и казалось, что слуга герцога просто уснул, вымотанный испытанием, свалившимся на него сегодня.

Граф фон Ляйхт не принимал участие в «допросе», который организовали возбуждённые гости госпоже Шварцхаар. Он отпустил Вильхе сразу же, как Марта принялась ухаживать за ним. Находиться рядом с этой женщиной сейчас было выше его сил. Омерзение, так, пожалуй, можно было описать то, что он испытывал сейчас.

Граф с отвращением на лице смотрел на Марту, сидевшую в застывающей луже крови с Вильхе, заснувшим у неё на коленях. Окружившие её просители громко кричали, перебивая друг друга, суетились, толкались, словно боясь не успеть ухватить внимания госпожи Шварцхаар. «Словно крысы на трупе» мелькнуло в голове у графа.

Наконец решившись, он медленно подошёл к герцогу, стоявшему недалеко от толпы, собравшейся вокруг колдуньи. Его светлость выглядел очень довольным: глаза радостно блестели, лицо кривила довольная усмешка. Виктор фон Берге всем своим видом напоминал полководца только что совершившего удачный манёвр на поле боя и взявшего врага в клещи.

— Ваша светлость, вы уверены, что хотите связаться со всем этим? — подошедший граф кивком указал на толпу, обступившую со всех сторон Марту.

— Граф... — начал было герцог, но Грегори не дал его светлости закончить.

— Виктор, — быстро и взволновано заговорил граф, — я чувствую, мы сейчас словно в ловушку попали. Тут что-то не так. Не могу понять что, но она с нами словно играет! А мы как мыши, только сало и сыр перед собой видим.

— Граф... — голос герцога наполнился привычной желчью, но Грегори опять прервал его.

— Вспомните, как она вела себя за столом! Сама скромность и прилежание. Не ела, не пила, слово лишнего сказать боялась. А здесь? Что она устроила здесь? Покромсала беднягу на кусочки и...

— Граф, — голос Виктора фон Берге дрожал от гнева, — знайте своё место и молчите о том, чего не понимаете! Если вы хотите трахать её и дальше, — понизив голос и приблизившись к фон Ляйхту вплотную, произнёс герцог, — то трахайте. Мне всё равно. Но, — голос его светлости угрожающе зазвенел металлом, — не смейте мешать мне. Вы всё поняли, граф?

— Да, ваша светлость. Только, — Грегори оторвал свой взгляд от герцога и огляделся, — похоже, уже поздно.

Неуловимым образом комната, в которой они находились, изменилась. И Виктор фон Берге, человек бывалый и выдавший такое, что и в кошмаре не всякому присниться, почувствовал, как тошнота подступила к его горлу.

[1] Обозначение яда, принятое Альферштад

[2] Магическая тварь, живущая в зонах повышенного магического искажения Холмов. Обитает на деревьях.

[3] «Истинная дочь Канзора» — обращение к женщине Канзора, которая следует традициям и является чистокровной представительницей своего народа.

[4] Лекарство, восстанавливающее излишнюю потерю крови в организме

[5] Золотая монета.

— Что было дальше, Шнидке?

— Я не помню, ваша светлость, — слабый голос Вильхе был едва слышен.

— Граф нёс какой-то бессвязный бред, — герцог требовательно протянул руку к Гансу, и тот тут же вложил в неё тугой пергаментный свиток. Развернув его, Иахим пробежался глазами по строчкам.

— Вот здесь. Слушай внимательно Шнидке, я хочу знать, что он имел в виду: «Смерть, смерть. Всюду лишь смерть. Мы тонули в черноте, она затягивала нас выпивала, высасывала... Как паук она раскинула свою ледяную паутину лжи... Мы ответили за всё, все были виновны. Мы, я, все и за всё. Звёзды... холод... жар... Нет! Марта, я люблю тебя, не надо, не надо!. Нет! Я всё для тебя сделал! Не оставляй меня, не бросай. Марта!...»

— Ваша светлость, я не могу! — Вильхе, всхлипывая, прижимал руки к ушам, — Прекратите, я не знаю, не понимаю!

— Ваша светлость, — Ганс вежливо кашлянул, — со всем почтением, но возможно стоит ненадолго остановиться? Шнидке, он...

— «Она бросила меня! Я больше не нужен! Боль и смерть! Я заслужил это. Мы все это заслужили... холодно, больно...» — продолжал читать герцог. Монотонный голос фон Клюге заполнил камеру, отражаясь от каменных стен.

— Ваша светлость, — едва слышно взмолился Вильхе, — не надо, не надо! После того, как она отрубила мне ноги, я ничего не помню. Пришёл в себя уже здесь, в этой камере. Рассказал всё, что помнил и знал!

Его хриплый шёпот остановил герцога. Он оторвался от листа и перевёл взгляд на лежащего перед ним человека. В глазах Вильхе стояли слёзы, тонкие ниточки бледных губ дрожали.

— Но ты понимаешь, что означает весь этот бред, который нёс граф перед смертью? Я же не слепой, Шнидке.

— Нет! — Вильхе отрицательно замотал головой, — Я не понимаю, ваша светлость. Не понимаю!

— Понимаешь. И ты расскажешь мне всё, что знаешь, — фон Клюге положил пергамент на стол, — Я не выйду отсюда без нужных мне сведений. Ты помнишь всё. По-другому просто быть не может...

— Ваша светлость, — снова подал голос Ганс.

— Молчать! Ганс, ты прекрасно знаешь, на что способен этот человек. Вы с ним прошли одну и ту же школу. Он должен, — герцог сделал упор на этом слове, — помнить всё, что с ним произошло. При любых обстоятельствах. Особенно после того, как... Ты понял.

— Да, ваша светлость. Но он находится на грани истощения своих нервных сил. Вы можете, и сломаете его сейчас, но потом от него не будет ни какой пользы.

— У нас нет времени! — резко ответил герцог, — Орднуг требует, чтобы я отдал Шнидке им. Канзор требует полного отчёта, а мне нужен козёл отпущения, чтобы погасить разгорающийся пожар. И спасти, — фон Клюге криво усмехнулся, — родственников. Он отдохнёт после того, как расскажет мне всё.

— Ваша светлость, прошу вас — голос Вильхе дрожал, слёзы текли по его щекам.

— Это не для меня, Шнидке. Это нужно Виктору, его семье. Это спасёт их. Ну же! Фрау фон Берге, Генрих, Стеффен, Мари. Юная Мари, Шнидке. Их жизни зависят от того, что ты сейчас скажешь!

— Ваша светлость, я... не помню.

— Ты помнишь.

— Нет, ваша светлость!

— Помнишь.

— Не помню! Ваша светлость не мучайте меня, прошу вас — Вильхе захлебнулся в рыданиях. Он размазывал текущие по щекам слёзы и безостановочно шептал «не помню, ничего не помню». Фон Клюге, поджав губы, выжидающе смотрел на него.

— Они умрут, Вильхе. Все. Как заговорщики. И я не смогу их спасти. Более того, я буду тем, кто будет их обвинять и отдаст приказ о расстреле.

— Нет! Вы не сделаете этого, ваша светлость! Только не вы! Они же ваша семья! Мари, ей только пять лет...

— Сделаю. Ты это прекрасно знаешь. И это будет милосерднее, чем прилюдное обезглавливание. Но ты можешь спасти их, Шнидке.

Вильхе поднял взгляд на герцога. Загнанный, беспомощный, как у старого и некогда любимого пса, которого отлупил новый хозяин. Чтобы знал своё место.

— Всё, что угодно, ваша светлость!

— Вспоминай.

Всё изменилось в одно неуловимое мгновение. Серые каменные стены, сложенные из грубого камня, исчезли. Пропали и застеклённые шкафы с непонятным содержимым, очаг с вытяжной трубой и стол, заставленный разнообразной алхимической утварью. Исчез и низкий потолок. Вместо него на порядочной высоте плескалось нечто напоминающее жирное [1]. Не изменился лишь каменный пол, на котором продолжала сидеть улыбающаяся Марта, да ступени, ведущие из лаборатории куда-то вверх, сквозь непонятную маслянисто-чёрную жижу.

Вместе со столом исчезли и свечи. Но внезапно изменившееся подземелье уже заливал яркий и холодный свет, исходящий от белых шаров размером с небольшое ядро для пушки. Они висели в воздухе, освещая то, во что превратилась маленькая лаборатория. Исчезли стены. Вместо них за гранью освещённого круга разливалась тьма. Тесное подземелье словно раздалось вширь и перед потрясённым герцогом предстало бесчисленное множество пыточных устройств, на которых в ужасных муках корчились люди.

Дикий ор раздираемых, раздробляемых и разрезаемых заживо несчастных заполнил всё вокруг, оглушив Виктора на несколько секунд. А от отвратительного смрада палёного мяса, жжёной крови и разложения его чуть не вывернуло наружу.

Потрясённый герцог медленно оглянулся. Дыбы, колёса, железные прутья, торчавшие из пола, чаны с кипящим маслом или смолой, клетки с остриями внутрь. И везде, были люди. Раздираемые на части, с вывернутыми наизнанку рёбрами, с поломанными или раздробленными руками и ногами, проткнутые насквозь, обожжённые или сваренные, но неизменно живые. Ни одного мёртвого тела.

— Ааа! — раздалось сзади. Виктор резко обернулся. И увидел как Генрих Шляйхе, выпучив глаза от ужаса, бросился к лестнице, по которой они спустились в подвал. Грузное

тело магистра двигалось с неожиданной для него ловкостью, а сила, с которой он отбрасывал стоящих у него на пути людей, поражала. Пары громадных скачков хватило Генриху, чтобы достичь ступеней ведущих наверх. Казалось ещё чуть-чуть...

Марта легко вскочила на ноги. Голова Вильхе, отброшенная в сторону, ударилась об пол, и слуга герцога остался лежать в луже собственной крови. Быстро протянув правую руку в сторону Шляйхе колдунья громко и зло выкрикнула какое-то слово. С силой сжав кулак и упав на колени, она ударила по луже крови.

Магистр испугано вскрикнул. Запнувшись, он стал спиной падать на пол. Но из камня ему на встречу тут же рванулось зеленоватое сияние, а вместе с ним тонкие и острые ивовые стебли. Они, раскрошив кладку, пробили насквозь тело Генриха. И тот забился как сумасшедший, пытаясь вырвать из себя гибкие, но прочные как канаты ветви, которые медленно оборачивались вокруг него. Полный ужаса и боли крик Шляйхе присоединился к сомну голосов истязаемых.

Объятые ужасом гости госпожи алхимика попятились от неё во все стороны. Следующим стал Руан. Барон не заметил, как наступил на механизм одной из пыточных машин. Это был обычный с виду стол, из которого в беспорядке торчали тонкие и гибкие спицы. Они едва заметно шевелились, словно водоросли на дне пруда, хищно сверкая в свете белых шаров. Шагая назад Руан не заметил, что пол за ним просто усеян дощечками, от которых тянулись едва заметные светящиеся нити к пыточной машинерии. Нога барона слегка коснулась деревяшки.

Тонкие спицы метнулись к Руану, пронзая его насквозь и вздымая над столом. Кровь сразу же окрасила их в ярко-красный цвет, а отчаянный вопль Руана, больше похожий на свиной визг, на несколько мгновений заглушил все остальные.

Следующим был Ганс фон Штейр. Его массивную тушу с силой швырнуло через весь зал прямо на растянутую между колон стальную сетку с шипами. Как живая, сеть обернулась вокруг старого графа, закручиваясь в тугий кокон. Крика его уже никто не слышал.

И началось. То одного, то сразу нескольких, гостей хватали гибкие цепи, прутья. Некоторых швыряло в сторону, подбрасывало вверх на натянутые сети или в ящики, утыканные изнутри кольями. Гибкие верёвки сами оплетались вокруг рук ног несчастных, притягивая и нанизывая их на шипастые доски. Рычаги дыб медленно опускались вниз, раздирая плоть об усеянные остриями ложа, вытягивая руки и ноги.

В несколько секунд всё было кончено. Всех гостей, кроме застывших на месте герцога и фон Ляйхта, разобрали всевозможные пыточные устройства. И лишь после того, как последняя жертва затрепыхалась, повиснув на связке из крючьев, Марта встала. Вся в крови, хищно оскалившись, она выглядела словно довольная кошка, что наигралась с выводком цыплят. Оглядевшись, она звучно щёлкнула пальцами.

И тишина накрыла полное боли и страданий подземелье.

Исчезли запахи и тени, окружающее приобрело серо-пепельные оттенки. Герцог невольно огляделся. Только Вильхе, до сих пор находившийся в беспамятстве, да граф с колдуньей выглядели реально.

Медленно и плавно, словно в танце, Марта повернулась к двум оставшимся на ногах мужчинам.

— Тварь! — полный презрения голос Грегори, прозвучавший твёрдо и зло, привел Виктора в чувство. Герцог резко повернулся в сторону говорившего, и чуть было не упёрся в серое дуло штрайга. На мгновение ему показалось, что граф целится в него, но взгляд

Грегори был устремлён мимо. Прищурившись, граф смотрел только на колдунью.

— Не двигайтесь, Виктор, — произнёс граф, — один шаг и вы попадёте.

Герцог судорожно кивнул и вновь обернулся к Марте. Она стояла рядом с его слугой, который валялся в какой-то серой луже прямо под ногами у колдуньи. Спустя мгновение Виктор сообразил, что это была кровь, вытекшая из отрубленных ног Вильхе.

И тут Марта заговорила.

— Что же вы не стреляете, Грегори? — её голос звучал кокетливо и в то же время издевательски, а милая улыбка выглядела как оскал готового к броску хищника, — Раньше, на моей памяти, вы никогда не колебались. А уж тем более, когда соблазняли невинную грюндершу. Помните, что вы тогда со мной вытворяли? Ваша бедная матушка, будь она жива, со стыда сгорела бы, узнай она, как ваше сиятельство надругались надо мной. Не скрою, мне было приятно, но...

— Не надо, граф, — герцог снова перевёл взгляд на побледневшего фон Ляйхта, — она провоцирует вас. Помните о терналии[2]. Я думаю, мы сможем...

Что-то резко пронеслось мимо Виктора, слабо задев его за щёку. Раздался противный хруст и Грегори смело, как будто в него попал хороший заряд из кулеврины Тело графа повисло в воздухе без какой-либо видимой поддержки в нескольких шагах от герцога. Грегори выглядел так, как будто его избили и переломали ему всё, что только можно. Руки, вывернутые под неестественным углом, голова безвольно обвисла, и только слабое покашливание пополам со всхлипываниями говорило о том, что граф ещё жив.

— Ваша светлость, позвольте пригласить вас на эшафот — сладострастный шёпот раздался прямо над ухом герцога. Виктор фон Берге медленно обернулся. Марта стояла рядом с ним, держа обеими руками штрайг графа.

— Зачем? — герцог холодно взглянул на колдунью, — к чему был весь этот фарс с зельем и ужином, Марта? Если ты хотела убить нас всех, то почему просто не отравила там, наверху? Чем эти люди заслужили такую участь?

— Я заключила очень выгодную сделку, Виктор. Моя жизнь и свобода в обмен на вашу и всех, кто принимал участие в заговоре. Хм, интересное оружие? — она поднесла штрайг графа к лицу и принялась внимательно его разглядывать.

— Иахим, — герцог кивнул, криво ухмыляясь, — обошёл-таки меня, старый ворон. Но неужели ты надеешься вырваться из его лап? После всего этого Ордунг от тебя и мокрого места не оставит.

— Сера, древесный уголь... мёд? — глаза Марты картинно расширились, когда она стала принюхиваться у запального отверстия штрайга, — кто учил этих бестолочей?! Вы что-то сказали, Виктор? Простите, не расслышала.

Она с отвращением откинула в сторону, и тот с приглушённым стуком ударился о серо-пепельный пол.

— Иахим с тебя живой не слезет, а со мной у тебя были шансы подняться...

— Виктор, — Марта устало вздохнула, а фон Берге внезапно почувствовал на своём горле чью-то холодную руку. У герцога перехватило дыхание, страх на секунду парализовал мышцы, и он застыл, не двигаясь.

— Мне нет никакого дела до тебя или твоего кузена. Но так получилось, что реальная власть сосредоточена в его руках, а я катастрофически не успеваю. Он предложил расстроить твой нелепый заговор, а в оплату обещал мне свободный проход из Канзора куда угодно. В методах меня не ограничивали, но его светлость поставил одно очень занятное

условие. Вы должны увидеть, как рушатся ваши старания. Прошу вас, герцог, — Марта медленно подняла руки, и Виктор почувствовал, как его горло нежно обхватили холодные пальцы, а мгновение спустя он перестал ощущать пол под своими ногами, — наслаждайтесь зрелищем. Обещаю, вас оно не разочарует!

И он увидел.

Заскрежетало, треснуло, и пол, на котором всё ещё стояла Марта, покрылся сетью мелких трещин. Марта раскинула руки в стороны, прокричала что-то на не понятном языке. С глаз Виктора как будто спала пелена. Он увидел, как от тел терзаемых жертв поднимаются вверх тонкие желтые и розоватые нити. А чёрная жидкость потолка поглощает их с жутким хлюпаньем голодной бездны.

И внезапно герцог понял, что он видит. Переведя взгляд на Марту, он с ужасом обнаружил вместо молодой и красивой женщины сгорбленную старуху со сморщенным лицом, невероятно длинными, по колено, руками и редкими, седыми волосами. Она истошно завывала, кружась вокруг себя и беспорядочно тыкая во все стороны крючковатыми пальцами. Вокруг неё крошился и разламывался каменный пол. Где-то уже возникали и тут же расширялись глубокие провалы.

Лишь тот пяточек, на котором бесновалась Марта, и лежал неподвижный Вильхе, оставался целым. Пыточные устройства шатало из стороны в сторону. Некоторые из них рухнули в бездну, открывающуюся под ногами герцога. И лишь тоненькие нити, тянущиеся вверх, напоминали о несчастных, канувших в непроглядную темноту.

— Кхх... Нега. кх. тос — раздалось рядом. Виктор, забывший на мгновение о графе, потрясённо обернулся к нему. Грегори висел рядом. Из его разбитого рта текла струйка крови, глаза уже заплыли синяками, а губы пытались протолкнуть ещё какое-то слово.

— Кхх... Двум...ма...кхх...г...кхх, — граф поперхнулся кашлем.

— Двумаг, — прошептал герцог, — Виталис и Негатос. Жизнь и смерть.

Он увидел, как с жутким скрежетом в воздух взмыли пыточные устройства с растянутыми на них жертвами. И каждое из них тащило вверх несколько десятков бесплотных и почти неразличимых в белом свете шаров, теней. И чем выше поднимались бестелесные носильщики со своей ужасной ношей, тем ярче и сильнее становились разноцветные нити, тянущиеся от несчастных людей к чавкающей и беснующейся, словно в нетерпении, чёрной жиже.

— Ахх...хаа — раздался рядом то ли всхлип, то ли вздох, и Виктор увидел, как от Грегори до колдуньи протянулась толстая, с корабельный канат, зелёная жила. Она извивалась, как червь и источала резкий кислый запах свежескошенной травы. Графа трясло, как в падучей, а Марта на глазах преображалась. Она легко выпрямилась, словно скидывая с себя старческую скрученность и немочь. Её волосы, секунду назад висевшие редкими и седыми клочками, отросли в момент, и снова красиво ниспадали с плеч. Несколько мгновений спустя на герцога снова смотрела полная жизни и энергии госпожа Шварцхаар.

Грегори, поддерживаемый в воздухе неведомыми Виктору силами, безвольно обвис. Герцога затрясло, когда он увидел, во что превратился граф: иссушенный годами лысый старик лет семидесяти, всхлипывая, ронял слюни вперемешку с окровавленными зубами.

— Даа! Это ни с чем не сравнится, ваша светлость, — сладострастный голос Марты донёсся до слуха Виктора, сквозь грохот рушащегося вокруг подземелья, — чужая жизнь и сила! Ни один мужчина не подарит такого наслаждения, разве что после... — Виктор, увидел, как колдунья склонилась над Вильхе, похотливо оглядывая его, — Я заберу вашего

слугу, Виктор. Мне понравилась его покорность и сила. Он будет верным пёсиком. А вот граф мне больше не нужен.

Грегори беззвучно рухнул вниз, на край разрушающейся каменной площадки и застыл без движения кучей кровавого тряпья. Герцог искренне понадеялся, что граф не пережил падения.

— Я кое-что обещала вам, Виктор! Смотрите же, потому что такого никто из ныне живущих смертных воочию не видел. Но вы должны это узнать! О да, должны! Веру и опору старого Канзората! Смотрите, Виктор, смотрите! Иахим хотел, что бы вы увидели крах своих надежд. Так смотрите, как гибнет сердце Канзора, как рушится то, во что вы вложили всю свою жизнь. Я сотру с лица земли этот город! Я отомщу и стану великой! Не будет низверга, равного мне по силам! Смотрите же Виктор!

Тени, что поднимали вверх пыточные машинерии, почти достигли беснующегося истока Негатоса, и он с громким хлопанием принялся втягивать в себя вопящие жертвы. Вот в жадной и ненасытной утробе сгинул магистр Шляйхе, разрезанный почти на кусочки Руан медленно втягивался в беснующуюся жижу. Новые жертвы, новая пища не способная утолить вечный голод бездны, но дающая силы тому, кто верно служит этой мёртвой пустоте.

Один за другим люди исчезали в маслянистой жиже, и с каждым поглощённым чернота становилась всё больше и больше.

Низкий, на грани слышимости, вибрирующий звук возник внезапно. Герцог содрогнулся. По всему телу прошла дрожь от распространяющейся вокруг вибрации.

— Открывайся! — Марта подняла руки к черноте, похожей сейчас на бушующее море, — открывайся!

По подземелью пронёсся раскат грома. Разросшийся от наполняющих его жертв исток взорвался и во все стороны от него рванулись тонкие аспидные молнии. И там, где пролёт их извилистый путь, как стекло треснуло, казалось, само пространство.

Ещё одни громовой раскат, и ветвистая сеть молний вновь рассекла всё вокруг. Тонкие трещины зазмеились рядом с каменной площадки. Несколько из них лишь чудом не задели герцога.

Но исток не исчез. Уменьшившись, он по-прежнему колыхался, над головой Виктора в ожидании новых подношений.

— Больше, ещё, ещё! Быстрее! — завопила Марта, и, подчиняясь её крику, бестелесные носильщики ускорили свой подъём. Из глубины показались те пыточные устройства, которые рухнули вниз. Их тащили такие же бестелесные твари.

Исток набух быстрее прежнего и третий раскат грома потряс подземелье. Тонкая ветвистая молния на мгновение окутала всё вокруг. Несколько станков с жертвами, попавшими под её удар, размело в пыль.

— Ещё, ещё! Быстрее! Несите быстрее! — последняя фраза громким эхом пронеслась по всему подземелью, и тени рванулись вверх так, как будто им грозила смертельная опасность.

Чёрная утроба Негатоса втягивала в себя всё больше и больше жертв. Вот уже последние механизмы подняты вверх и тени-носильщики не успевают увернуться от жадной бездны. Десяток жертв тех, кто их тащил, накрывает волна мрака. Громыкнуло ещё сильнее, чем раньше, и вся реальность вокруг покрылась сетью мелких трещин.

— Смотрите, Виктор! — Марта медленно развела руки в стороны, — такого вы больше нигде не увидите!

К рукам колдуньи тянулись тонкие серые нити. Сотни, нет тысячи мгlistых,

пепельного цвета, паутинок, прицепленные к осколкам разорванного пространства. И такие же, но только чёрные, опускались на неё сверху, опутывая со всех сторон. Словно марионетку в руках неумелого кукловода, Марту трясло, подёргивая из стороны в сторону.

Чёрные нити набухали, исток наверху кривило, корчило и будто бы выворачивало наизнанку.

— Краатха! — выкрикнула колдунья, и Виктор швырнуло вверх. Но холодная рука удержала его, сдавив сильнее.

Серые нити запульсировали, набухая и темнея. Казалось, что по ним пробежала невидимая судорога, и, сквозь мелкие трещины в пространстве, оставшиеся после молний Негатоса, полился белый, почти невидимый свет.

У герцога перехватило дыхание. Высоко над ним раскинулась светящаяся серебристым светом паутина. Она огромным, до видимого горизонта, куполом накрывало разверзшееся подземелье. Тишина, пришедшая на смену грохоту и грому, звенела в ушах.

Маленькое облачко Негатоса плескалось чернотой где-то вверху, и под ним на небольшой каменной платформе неподвижно застыла Марта. Чёрные и серые нити, набухшие и вибрирующие, держали её словно на привязи. Руки колдуньи были разведены в стороны, глаза закрыты, а на лице отражалась смесь дикая смесь боли и похотливого удовлетворения.

— Краатхаар! — низким, совсем не женским голосом произнесла Марта, и серые нити, вспыхнув гнилостно-зелёным, рассыпались прахом.

Первый осколок паутины прошелестел мимо герцога, чуть ли не касаясь его лица. Виктор почувствовал, что его щёку обожгло так, как будто он коснулся железки, пролежавшей на морозе всю ночь. Жар холода продрал его до костей, и герцог с ужасом проводил взглядом падающий вниз кусочек черноты, опутанный со всех сторон серебряным сиянием.

Тихий шорох падающих листьев нарастал подобно прибою. Виктор посмотрел вверх и застыл, ошеломлённый увиденным. Купол из светящейся паутины медленно рассыпался. Мерцающие осколки черноты неспешно скользили вниз. Сотни тысяч маленьких серебристых лоскутков застилали его взгляд.

Так вот, значит, как он умрёт!

Виктор почувствовал, как от накатывающего ужаса полной беспомощности у него немеют руки. Жить! Как угодно, но жить! Если умереть, то не так. Не от пронизывающего холода, сжигающего своим прикосновением. Внезапно герцога пронзила мысль — она обещала, что он увидит конец! Забыла? Издевалась?

— Марта! — голос предательски срывался, дрожал, — Ты же обещала, что увижу всё! До конца! Я не хочу так, Марта! Ты обещала, обещала!!!

— Успокойтесь, ваша светлость! — голос колдуньи, вновь наполненный эхом, мягким одеялом, накрыл разум Виктора, и панический страх уступил место расслабленности и покорности, — истерика вам не к лицу. Я никогда не нарушаю данного слова, правда, метод исполнения обещанного оставляю на своё усмотрение.

Она словно поманила его к себе пальцем, и герцог медленно опускаясь, поплыл к платформе, на которой стояла колдунья. Краем глаза он вроде бы заметил лёгкое шевеление в измазанном кровью тряпье графа.

Светящийся серебром купол осыпался вниз всё быстрее и быстрее. Блестящий водопад из осколков окружил их, наполняя пространство ужасающим шелестом. «Как будто змеиная

кожа скользит по бумаге» подумалось герцогу.

Он завис в двух шагах над пепельно-серым камнем. Марта, запрокинув голову вверх, стояла рядом с ним.

— Знаете, Виктор, — произнесла она вдруг, — я ждала этого много лет. Двести, если быть точной.

В её голосе не было той дикой радости, того напора и силы, которая сквозила из неё всего лишь минуту назад. Усталость и безразличность ко всему слышал сейчас герцог.

— Хотела этого больше всего в своей жизни. Я не спала целую неделю, Виктор, занималась... приготовлениями. Мне пришлось лично обойти множество притонов, вызвать всех своих слуг и друзей, что бы набрать потребное количество жертв. Ваши товарищи стали последними.

Её шатнуло в сторону, и она чуть не упала, уцепившись за ногу герцога.

— Простите, ваша светлость, это последствия передозировки, — Марта цеплялась за Виктора, пытаясь устоять на месте. Выглядела она так, как будто приняла неслабую понюшку буяна[3]. Её речь становилась невнятной, язык заплетался, Я слишком много взяла у Грегори. Двумажество — это конечно хорошо, но не такое. Стоит чуть перебрать и... всё. Такое чувство, будто я перепила... Но это пройдёт, должно пррр... Так, у нас есть ещё пять минут до конца, но я сейчас могу просто отключиться. А это... нельзя. Нет никак нельзя. Если я... то всёёё... — глаза колдуньи закатились, и она стала медленно оседать на пол.

— Марта! — голос Виктора, как ему показалось, обрёл громоподобную силу, — Очнись! Не смей! Ты обещала мне! Приди в себя! Очнись, тварь!!!

Не слыша его, она продолжала сползать вниз по ноге герцога. На миг у Виктора мелькнула мысль, что вот сейчас, упадёт и действие удерживающего его заклятия прекратиться. Но хватка холодной руки не ослабевала, а светящиеся серебром осколки кружили, приближаясь к платформе всё ближе и ближе. Резко похолодало.

— Марта! — свободной ногой герцог, что было сил, ударил потерявшую сознание колдунью, и её, словно мягкую куклу, отбросило назад.

— Приди в себя! Да очнись ты, ведьма!

— Спасибо, ваша светлость, — голос госпожи Шварцхаар был слаб, но она уже вставала, — сейчас, я...сейчас.

Серебряные осколки, кружившие рядом с платформой, разметало, словной налетел ураганный ветер. И тут же подземелье трянуло так, как будто по нему в ярости ударили всей артиллерией Канзора.

Марта едва удержалась на ногах, раскинув руки в стороны и балансируя ими. Кровавое тряпье с графом едва не сбросило в пропасть.

— Началось! — апатия и слабость вмиг исчезли из её голоса. Она снова смотрела вверх с нескрываемым нетерпением. Удар пришёлся ей в лицо, и верхняя губа Марты оказалась рассечена, а нос оказался свёрнут в сторону. Кровь заливала её лицо и без того уже красное платье, но колдунья не обращала на это никакого внимания. Оскалившись в безумной улыбке, она тянула вверх руки и что-то бормотала, выкрикивая иногда непонятные слова.

Серебряной паутины больше не существовало. Вместо неё вокруг каменной платформы раскинулось бесконечное звёздное небо. Куда ни кинь взгляд, везде горели маленькие звёзды, складывающиеся в причудливые и неизвестные герцогу созвездия.

— Вот оно, ваша светлость, — голос Марты звучал радостно и довольно, — вот то, ради чего всё это и затевалось. Вы же узнаете его Виктор? Узнаёте? Символ старого Канзората?

Герцог поднял голову вверх и проследил за взглядом колдуньи. Из темноты на них медленно наплывала громада какого-то здания. Медленно вращаясь, освещаемое лишь тусклым светом звезд, оно показалось Виктору очень знакомым. Воспоминание будто из старой сказки, что он слышал в детстве. Но он совсем недавно видел нечто похожее...

— Отец Единый, — потрясённо проговорил герцог, глядя как стена здания занимает собой всё видимое пространство. Свет от белых шаров, переживших все обрушившиеся сегодня на них катаклизмы, выхватил из окружающей тьмы серую стену, сложенную из блоков, как точно помнил Виктор, «в рост человека».

— Вы абсолютно правы, ваша светлость, — голос Марты привёл его в чувство, — храм Гетара. Сила и сосредоточение Его власти в древнем Канзорате. Некогда опора, надежда и символ величия вашего народа. И причина всех его нынешних бед.

Храм, медленно вращаясь, надвигался прямо на герцога. Высокие шпили, портики, стены, украшенные резьбой, в которой угадывались священные тексты и сцены из далёкого и неизвестного прошлого. Пустые оконные проёмы слепо таращились во все стороны. На их краях слабо поблёскивали остатки цветных стёкол.

— Он же был уничтожен во время кары — потрясённо произнёс герцог.

— Нет, — Марта не отрываясь, смотрела на медленно приближающуюся громаду храма, — жрецы, бывшие в нём, сделали всё, что бы их сокровище, не погибло. Нисхождение застало их врасплох, и они стали сопротивляться. На первую волну наступающего Хаоса они обрушили всю мощь, собранную в храме. И это была большая ошибка. Нисхождение это же не просто неконтролируемое буйство сил. Нет... Полная нестабильность, совершенная форма Хаоса, преобразующая всё, до чего он сможет дотянуться. Хитрые заклятия, магия способная двигать горы? Для Хаоса лучшего и не придумаешь. Первая волна откатилась назад, поглотив всю потраченную на её сдерживание силу. Вторая волна была уже многократно сильнее первой. Она уничтожила большую и лучшую часть защитников Храма. Но и тогда они ничего не поняли. Нет, они продолжали поливать наступающий мрак заклинаниями, насыщая и усиливая наступающий Хаос. Они справились и во второй раз, напитав волну самой тайной и запретной магией. Приносили жертвы, резали себе вены. Глупцы — Марта оскалилась в улыбке, словно волчица.

— И только к третьей волне жрецы сообразили, что же на самом деле происходит. И что они натворили. О, я бы всё отдала за то, что бы увидеть выражение их лиц. Они воззвали к Гетару, молили его о помощи. Но тщетно. Он был занят тем, что воевал со своими сёстрами, и какое ему дело было до жалких людишек? Третья волна поглотила всё, что попадалось ей на пути. А потом извратила, перевернула, переродила, вышвырнула обратно. Изменённым, покорёженным, чужим.

Марта смотрела только вверх, на приближающийся храм. Она тянула к нему руки, словно хотела его обнять. Как мать, встретившее своё дитя после долгой и трудной дороги.

— Но храм, впитавший в себя слишком много Хаоса, не смог вернуться назад. Он застрял между гранями[4], постепенно напитываясь силой, струящейся между ними. Но самое главное, он полностью пропитан Нисхождением. Оно копилось в нём годами, разрасталось. И я чувствую, как оно клокочет в нём, хочет вырваться наружу и завершить то, что не смогло сделать тогда, семьсот лет назад. Я помогу ему!

— Нет... — только и смог вымолвить потрясённый Виктор, — нет. Марта, зачем? Нет, ты не должна...

— Что не должна?! — госпожа Шварцхаар резко обернулась к герцогу, и зло, с лютой

ненавистью взглянула на него. Холодные пальцы неожиданно с силой сжали его горло, и Виктор засучил ногами в воздухе, силясь вздохнуть. Он пытался ухватить душившую его руку, но тщетно. Схватил себя за горло, силясь нащупать душившие его пальцы. Ничего!

Зрение дрожало, пропадало. Страх и невозможность вздохнуть не давали расслышать то, что истерично визжала Марта.

— ... они убил их!... - иногда доносилось до него. Сознание уплывало, но всё ещё пытался нащупать несуществующие руки у своей шеи — ...предали нас! Сожгли всех на кострах...

Холодные пальцы ослабили свою хватку, и Виктор жадно вдохнул сырой и стылый воздух. Взор прояснился, и он увидел, как Марта, с перекошенным от ярости лицом подходит к нему всё ближе и ближе. А за ней...

— Ты не горел в этой синей душильне, ублюдок! — продолжала кричать она, — С тебя не слезила кожа и тебя не швыряли в яму вместе с обугленными телами. Не засыпали солью вперемешку с пеплом любимых... — колдунья остановилась, не дойдя до герцога пары шагов. Глубоко вздохнув, она продолжила уже спокойным голосом, — не останется никого, ваша светлость. Я смету всех. А в первую очередь Орднунг. И даже то чудовище, что они растят у себя в подземелье, не сможет меня остановить. С этой силой никто и никогда...

— Давай! — голос Виктора сорвался на истеричный визг.

Марта обернулась.

Пошатываясь, в нескольких шагах от неё стоял Вильхе. Бледный и худой, он двумя руками сжимал штрайг Грегори фон Ляйхта.

Марта только и успела выкинуть руку вперёд, как грянул выстрел. Пуля впиалась ей в правое плечо, обдав Виктора веером брызг из капель крови.

Едкий дым на секунду окутал слугу герцога, но тот, отбросив огнестрел в сторону, кинулся вперёд. И, налетев на колдунью, толкнул к её пропасти.

На мгновение, показавшееся Виктору бесконечным, Марта застыла на краю. Её правое плечо, развороченное выстрелом, представляло собой кровавое месиво из мяса и костей. Рука бессильно обвисла. Целая левая тянулась к Вильхе в бессильной попытке схватить его. Но выразительней всего были её глаза. Ошеломлённые, не верящие, не понимающие.

Она всего лишь секунду балансировала на краю, но сотрясение от соприкосновения платформы с храмом Гетра отбросило её назад.

Госпожа Марта Шварцхаар беззвучно канула во тьму сотворённой ею же бездны.

[1] Нефть

[2] Неконтролируемый выброс энергии после смерти мага. Направлен на причину смерти. Последнее проклятие, от которого нет защиты. Канзорские солдаты, прежде чем убить мага, обнуляют его либо нуль-бомбами, либо синей солью.

[3] Буян — наркотик растительного происхождения. Употребляется в виде серого порошка, приготовленного из листьев конопли, поражённой Хаосом. Запрещён к распространению в Канзоре и один из самых ходовых товаров на чёрном рынке.

[4] Границы между двенадцатью измерениями откуда через истоки в мир поступает магия. Подробнее см. магия Инрана.

...Спустя три дня после допроса...

— Виктор был здесь, — Вильхе указал на обугленную стену напротив лестницы в подвал.

— Ты уверен? — герцог фон Клюге озабоченно рассматривал закопчённую кладку, словно прикидывая как много времени займёт её разбор.

— Да, ваша светлость, — Вильхе осмотрелся, и его взгляд задержался на каменном столе, заваленном горелым мусором вперемешку с черепками и закопчёнными стекляшками. Это было всё, что осталось от памятного ему алхимического скарба Марты.

— Я пришёл в себя от того, что услышал её голос. Она визжала как свинья на случке. Кричала что-то о том, что их предали, сожгли и прочее.

— Кого их? — герцог оторвался от созерцания стены и переключил всё своё внимание на Шнидке.

— Не знаю, ваша светлость. Возможно её родственников, семью, ковен или что у них там бывает, — Вильхе не отрывал взгляд от стола.

— И что ты сделал? — фон Клюге посмотрел туда же, а потом кивком послал Ганса проверить, что же так заинтересовало слугу его кузена.

— Рядом, вот здесь, лежал штрайг графа. Я поднял его и огляделся. Его сиятельство был почти передо мной. Она стояла рядом и что-то говорила. Не спрашивайте, я не помню что, — Вильхе пристально смотрел, как Ганс осторожно вытаскивает из-под стола что-то длинное, перемазанное грязью и пеплом. Бросив быстрый взгляд на Шнидке, слуга фон Клюге завернул свою находку в свой плащ и принялся искать дальше.

— Его светлость висел над пропастью. Кажется, его держала какая-то призрачная тварь, похожая на человека, но я... я не уверен.

Ганс осторожно, потянул ещё что-то из-под стола. Раздался скрежет и слуга герцога, не удержав равновесия, упал, сев прямо на пол. Вильхе резко отвёл взгляд, запнувшись. В левой руке у Ганса была зажата обгоревшая, но всё ещё узнаваемая кисть руки.

— Продолжай, — голос герцога, такой же резкий, как и у Виктора фон Берге, привёл Шнидке в чувство. Переведя взгляд на стену, он продолжил.

— Я понял, что она сейчас убьёт его. Из штрайга меня учили стрелять, так что колебаться смысла не было. Но я промазал. Целил в сердце, а угодил в плечо.

Вильхе показал, как он кинулся к Марте, и что произошло дальше.

— Я пытался хоть как-то помочь его светлости, но то существо его не отпускало. Я дёргал, тянул — всё было бесполезно. Тогда Виктор крикнул, что бы я бежал. Взял с собой графа и убежал. Но я продолжал тянуть его, пытаюсь вырвать из лап этой призрачной твари. Видимо понимая, что без него я не уйду, он ударил меня сапогом. И приказал убираться прочь вместе с фон Ляйхтом.

— Ты не видел, что творилось вокруг?

— Нет, ваша светлость, не присматривался. Я бросился к графу, схватил его, поволок к лестнице. Сил было мало, и я едва тащил его. А он плакал, и просил, что бы я его оставил. Но у меня был приказ... А потом снизу трянуло. Один раз, другой. И, знаете, стал нарастать

такой гул, как... не знаю с чем сравнить. Будто сотни коней несутся на тебя по полю и вот-вот стопчут, — Вильхе замолчал. Отвернувшись от каменной кладки, он пошёл к лестнице и медленно поднялся по ней. Остановившись возле обугленных стен особняка, он осмотрелся. Сквозь выгоревшие прорехи были видны соседние дома. Редкая цепь из служителей Орднуга не пускала к особняку многочисленных зевак, слонявшихся по улице. Пахло гарью и чем-то резким, алхимическим. Герцог фон Клюге поднялся следом за ним. Ганс продолжал копошиться в грязи и копоту, осторожно вытягивая и заворачивая что-то в свой плащ.

— Я был уже на лестнице, — продолжил свой рассказ Вильхе, — когда из бездны, куда упала Марта, вырвался огонь. Виктор сгорел мгновенно. Без звука.

Иахим кивнул и посмотрел обратно в черноту подвала.

— Граф, похоже, сошёл с ума. Он то плакал, то смеялся и всё время говорил, что любил её, а она его предала. И снова плакал... Я тащил его ступенька за ступенькой. Не мог бросить. Огонь был повсюду. Когда мы поднялись наверх, особняк уже горел. Крыша, балки, шторы, стены. Пылало всё. Как мы выбрались — не помню.

Вильхе огляделся. И медленно пошёл к тому месту, где была гостиная.

— Я помню лишь, что тащил его мимо накрытого стола. Да... и здесь мы тоже были, — он остановился в комнате, которую Марта отвела под картинную галерею. Стены в ней выгорели почти полностью, и многие драгоценные холсты исчезли без следа. Серое небо хмурилось сквозь прогоревший потолок, и первые капли дождя уже срывались сквозь прорехи в крыше. Но каменная, несущая стена, осталась практически нетронутой, и некоторые картины так и продолжали висеть на ней. Обгорелые, закопчённые, многие из них были похожи на обычные тряпки, вынутые из угольного погребка. Все, кроме одной.

— Нисхождение, — герцог фон Клюге задумчиво посмотрел на совершенно чистый, словно вымытый холст, — оригинал, если верить моим источникам. Иоган Шлехер, 544 год. Третья волна, которая смела с лица земли старый, погрязший в скверне Канзорат и... Что с тобой, Шнидке?

Вильхе уставился на картину так, как будто первый раз её видел. Величественный храм с высокими стенами, шпилями, теряющимися в бушующих над ним облаках и блестящий многочисленными витражами, словно осколок скалы, застыл в море бушующего мрака. Крохотные фигурки людей в ужасе отступали вверх по ступеням к величественным, изукрашенным золотым орнаментом воротам. Кто-то, упав на колени, молитвенно вздымал руки к небу, кто-то бежал, сломив голову и расталкивая всех, кто встречался у него на пути. Лишь некоторые продолжали сопротивляться, посылая навстречу мраку тонкие кривые молний и языки пламени.

— Я видел его, — медленно проговорил Вильхе, — храм. Храм Гетара. Она... не знала как, но он был там внизу.

— Что? Но он же был полностью разрушен во времена Кары? — фон Клюге с недоверием поглядел на Вильхе, — Ты уверен?

— Не знаю, ваша светлость — слуга фон Берге неуверенно посмотрел на картину, — я словно вижу его перед собой. Старый, потрёпанный, без стёкол. Огромный и... мёртвый. Мертвее любого камня, как бы глупо это не звучало.

— Хорошо, допустим, что он был там. Но зачем?

— Не знаю, ваша светлость.

— Вспоминай, Шнидке! Это может быть очень важным. Если она пыталась протащить сюда что-то оттуда, то... Что ты делаешь?

Вильхе быстро нагнулся и что-то быстро поднял. Встряхнул. Поднёс к глазам и несколько мгновений рассматривал.

— Тваарь! — медленно, с ненавистью произнёс он, протягивая герцогу свою находку. Обычный батистовый платочек, испачканный в копоты и крови.

— Что это? — фон Клюге с недоумением взял протянутую тряпицу и принялся её рассматривать.

— Её платок. Марта не выпускала его из рук весь ужин. Постоянно мяла, крутила. Играла в робкую и покорную фрау. Ну ту, что кухня, дети и ни слова при муже. А потом, когда она пригласила всех в подвал, просто швырнула его на стол. Я это точно помню.

— Ну и что? — Иахим всё ещё не мог понять, что же так разозлило слугу его покойного кузена.

— Она жива, ваша светлость! Жива. Не знаю, как ей это удалось, но...

— Жива? Нет, Вильхе, Марта погибла.

— Ваша светлость! Послушайте! Она как-то выбралась, и...

— Ты попал под её терналию, Вильхе!

— Что?!

— Послушай. Когда загорелось здание, то тут уже было не протолкнуться от словесников Орднуга и моих агентов. Мы следили за вами, Вильхе, и прибыли прямо к ужину. Зашли в особняк, как только увидели солдат и серых[1], которые стали оцеплять всё вокруг. Мы перевернули всё вверх дном, пытаюсь найти вас, но тщетно. А потом появились они, и, не слушая наших возражений, кинулись напрямиком к подвалу. Видимо почуяли, что там происходит. Но как только они подошли к нему, здание ощутимо трянуло. При первом обыске мы не смогли открыть эту дверь, но словесникам она поддалась. А там, внизу, уже всё пылало. Как в кузнечном горне. Огонь сразу перебросился на стены и особняк загорелся. Мы пытались его потушить, но всё было бесполезно. Серые ушли первыми, а потом и я приказал свои людям покинуть здание. И тут появился ты. Худой, как скелет, в горячей одежде, без волос, с обожжёнными руками и лицом. Ты тащил графа, завёрнутого в окровавленное тряпье, и кричал, что сейчас вернёшься к Виктору и вытащишь его.

— Я не помню этого, ваша светлость, — покачал головой Вильхе, — но платок...

— Я повторю ещё раз. Мы перевернули здесь всё вверх дном. Платок мог случайно оказаться здесь. Кто-нибудь из моих людей мог машинально прихватить его и бросить у этой картины или... Да мало ли что! Ты был здесь, когда рухнула крыша в гостиной. Как платок смог бы попасть сюда после?

— Не знаю, ваша светлость, — голос у Вильхе был тихим, потухшим. Он невидяще смотрел на тряпицу в руках фон Клюге, словно пытаюсь что-то вспомнить, как вдруг его лицо прояснилось.

— Марта швырнула его рядом с бокалом вина, — задумчиво произнёс Вильхе, — Красное. Канзор Вильгельм. Я наливал его в самом начале ужина, но она так и не притронулась к нему. Возможно, да вполне возможно...

— Мы вытащили тебя из пожара, — продолжил герцог, — и, спрятав от Орднунга, повезли сразу в Халфтерплатц. В возникшей суматохе это было несложно, но потребовало определённых усилий. Уже в карете, а я ехал с тобой, мы заметили, что твои раны стали затягиваться. Обгорелая кожа отлуплялась, а на её месте появлялась новая, отрастали волосы. А потом заявили серые и объявили, что ты находишься под терналией покойного двумага Шварцхаар. Как они тебе пронюхали я ещё разберусь, не до того было. Оцепление

вокруг особняка не снималось за всё время бунта. Никто не выходил оттуда. Она мертва, Шнидке.

Вильхе огляделся. Капли дождя уныло застучали по крыше. Сквозь прогоревшие прорехи вода полилась внутрь, превращая в грязь пепел сгоревшего богатства известного на весь просвещённый и благословенный Чистотой Канзор алхимика госпожи Марты Шварцхаар.

В дверном проёме показался Ганс, тащивший за собой свой измазанный в грязи плащ, завязанный наподобие котомки. Прошмыгнув мимо слуги, он склонился к герцогу и зашептал ему что-то на ухо. Вильхе быстро отвернулся, едва сдерживая тошноту. Из плаща явно выпирала ступня в обгорелом сапоге.

Выслушав Ганса, Иахим кивком отпустил его, и тот поспешил к выходу.

— Вот и всё, Шнидке, — герцог не глядя на Вильхе и не обращая внимания на дождь, подошёл к уцелевшему полотну, — Орднунг только что обнулil всё то, что оставалось после Марты. Мятеж подавлен. Планы Виктора не увенчались успехом.

— Вы так считаете? — Вильхе коротко усмехнувшись, посмотрел на герцога, — мой хозяин решил поднять не только Солстар. Скоро запылает весь Канзор.

— Я знаю, — герцог повернулся к нему и вернул усмешку Вильхе, — кузен был весьма предприимчивым человеком. Но мне удалось потушить то, что он неосмотрительно разжёл. К сожалению Виктор своей смертью отнял у меня три дня. Три дня, Шнидке, я был вынужден провести в провинции, давя разгорающийся мятеж, в то время, как недомаги разрушали нашу столицу.

— Он не хотел этого, ваша светлость. Виктор планировал мирный переворот. Снижение мажества, уменьшение гонений на скверну, смешение науки и магии, легализации...

— Забудь. Виктор погиб на званом ужине из-за пожара, возникшего по вине нерасторопного повара, — фон Клюге многозначительно посмотрел на Вильхе.

— Да, ваша светлость. Что будет с его семьёй?

— Ничего. Никто не знает о роли Виктора в этой аванюре. Он был весьма умён, и действовал только через верных ему людей. А они, в большинстве своём, погибли. Сгорели в пламени мятежа. Семьи Берге и Клюге были и остаются верными слугами Канзора и его священной миссии по установлению главенства Чистоты в мире.

— Да, ваша светлость. С вашего позволения я донесу эту мысль до молодого господина, — Вильхе поклонился Иахиму фон Клюге. Капли дождя застучал по его согнутой спине.

— Большая игра, что ты о ней думаешь? — слуга семьи Берге медленно выпрямился. Фон Клюге разглядывал уцелевшую картину, заложив руки за спину, словно какой-нибудь ценитель искусства.

— Это не моё дело, ваша светлость.

— И всё же, — Иахим обернулся и взглянул Вильхе прямо в глаза, — что ты обо всём этом думаешь?

— Не стоит оно того, ваша светлость. Слишком высокая ставка за то, что потом может убить.

— Ты так считаешь? — фон Клюге с интересом посмотрел на слугу.

— Жажда власти сгубила всех, кто явился на этот злополучный ужин, ваша светлость. Виктор, Марта, гости — все они погибли. Вы так же были на волоске. Каждый считал, что перехитрил или перехитрит конкурентов. Ей это почти удалось. Но глупая, непредвиденная

случайность, и всё пошло прахом, — Вильхе бросил взгляд на грязь, чавкающую под его ногами. Дождь лил всё сильнее.

— Таковы ставки в этой игре, — Иахим фон Клюге пристально посмотрел на слугу, — всё или ничего. Власть — это самое притягательное, что есть в этой жизни. Так считали они. Так считала и она. Но я так не считаю. Для меня власть это инструмент по наведению порядка в нашей Империи. Не более того. Я не гонюсь за ней, но и просто так её не отдам.

— Я понял, ваша светлость, и передам это молодому господину. Думаю, он согласится принять вашу сторону. Ваши семьи всегда были верными слугами Канзора. Пусть каждая и понимала это служение по-своему.

— Спасибо, Шнидке. И рассчитываю на тебя в дальнейшем.

— Да, ваша..., - герцог слегка нахмурился, — господин, — Вильхе склонился так, как будто перед ним стоял покойный Виктор фон Берге, — Готов исполнить ваш приказ.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Серыми словесников называли по цвету одежды, которую носили блюстители Чистоты